

НОВАЯ ПРОЗА

БЛЮСТИТЕЛЬ

Сергей Кузнечихин

издательский дом

Выбор Сенчина

Сергей Кузнечихин

Блюститель. Рассказы, повесть

«Издательские решения»

Кузнечихин С. Д.

Блюститель. Рассказы, повесть / С. Д. Кузнечихин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853844-5

О чем бы ни писал красноярец Сергей Кузнечихин — о рыбалке, тайге, поэтах, рабочих, забулдыгах — оторваться невозможно. Ярко, колоритно, сочно. Хотя порой хочется зареветь по его героям, пожалеть их, поправить их судьбу... Публиковаться Кузнечихин начал еще в советское время, но произведения его, как у большинства писателей, живущих во глубине России, к сожалению, слабо известны широкому читателю. Может быть, книга «Блюститель», в которой собрана проза разных лет, сможет исправить эту ситуацию.

ISBN 978-5-44-853844-5

© Кузнечихин С. Д.
© Издательские решения

Содержание

В разгар бабьего лета	6
Единственный поцелуй	10
Начало оседлой жизни	25
Влюбленный в Лидию	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Блюститель

Рассказы, повесть

Сергей Кузнечихин

Издательский дом «Выбор Сенчина»

© Сергей Кузнечихин, 2017

ISBN 978-5-4485-3844-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В разгар бабьего лета

Бабы курили. Вернее, курила одна Лилька Шабалова, бригадир Граня разводила теплинку из газет, оставшихся после еды, а остальные просто отдыхали. Второй день, как они закончили ремонт путей на длинном болотистом участке. Теперь узкоколейка шла по суходолу. Сразу за линией весело цвел сентябрьский лес, скрашивая тяжелую однообразную работу и придавая коротким перекурам особую мягкость и полную расслабленность.

Лилька нежилась на солнце и любовалась природой. Охапка пыльного, просушенного сена грела спину, румяные, как яблоки, листья осин – глаза и душу, даже бабы из бригады излучали ленивое густое тепло. Далекое голубое небо казалось ей теплым утренним озером, и легкие редкие облака, словно остатки тумана, плавали над водой. Она закрыла глаза, но небо и осинки не пропадали... Месяц назад Лилька возвратилась из бегов и все не могла отогреться после Севера.

– Нет, бабы, куда ни мотайся, а лучше родного дома не найдешь. Лес-то какой, вы только посмотрите, ишь как покрасился. Недаром это время бабьим летом зовут. Вон осинки расфуфырились, каждым листочком трепещут. И мы точно так же, стоит только почувствовать, что завтра облетать начнем, как пускаемся красоту транжирить. Наизнанку выворачиваемся, если снаружи ничего не осталось. Все до грамма последнего. А чего жалеть? Для кого? Для себя, что ли? Сама для себя – что красивая, что облезлая – все своя.

Кто-то из лежащих чихнул, и Лилька резко замолчала, устыдясь своих слов. Граня сидела к ней боком и, покачивая головой, смотрела, как язычки пламени превращают скомканные газеты в черные цветы. Райка Вахрушина, рябая грудастая деваха из вербованных, лежала пластом. Ее рыхлое бескровное лицо лоснилось от испарины.

«И никакого ей дела нет до всей красоты», – подумала Лилька и окликнула:

– Ты, Райк, меня слушай. Живи, пока молодая. Живи и не бойся, а то осмелишься, да поздно будет. Нечего валяться с линялой мордой, вон сиськи так и прут, аж чересседельник трещит. Хватай мужичка, что по нраву, и души в объятьях. Да на сопляков не кидайся, с них толку на грош, и опять же, им мордашку смазливую подавай. А мужик, он понимает, что в темноте мы все красавицы.

Райка молча встала и пошла в сторону; неуверенно ступая, перебралась по бревну на другой берег валовой канавы и легла в кустах малинника.

– Допекла девку, – проворчала Граня, не отрывая взгляда от огня.

– Э-э, Граня, этим разве допечешь. Когда меня допекло, так я не за канаву, я на Север деру дала.

– Вчера после обеда как ушла в лес, так и не вернулась, боюсь, уж не скинула ли.

– Чтобы скинуть, надо занять сначала.

– Да вроде как тяжелая ходила.

– Райка, что ли? Да где ей! Просто брюхо распустила – жрать меньше надо, вот и вся тяжесть.

– Может, и так, только, вижу, мается.

– Это разве маета. Помотает на кулак соплей красных, как мы с тобой, тогда и узнает, по чем страдать и чему радоваться.

– А ты меня с собой не равняй. Я сына вырастила, а ты до тридцати пяти яловая ходишь.

– Я и не равняю. А что яловая, так, видно, поздно спохватилась. Тут рада бы в рай, да грехи не пускают.

– Сама виновата.

Лилька не ответила, только глубже затянулась сигаретой и выпустила по-мужски аккуратное кольцо дыма. Да и что было отвечать: сказать Гране, что сын у нее барахло и без зазре-

ния совести гуляет на деньги, которые старуха зарабатывает не лопатой, так ломом, а когда не хватает материнских рублей, норовит пожить у женщины старше его на пятнадцать лет. Но зачем? Ей, Лильке, от этого легче не станет, а Граня и без ее щипков натерпелась в жизни. И она спросила о другом:

– Правда, что осина, на которой Лева Питерский задушился, засохла?

– Правда, – ответила Граня. – Сама в воскресенье по грибы ходила и видела.

– Может, кто-нибудь корни подрубил?

– А у кого такая надобность?

– Ну мало ли, ведь не может дерево чувствовать?

– Я почем знаю, может или не может, только высохла, и все. Мужик больно хороший был.

Сказывают, Тоська на могиле всю ночь выла, а чего выть, когда сама и угробила.

– Вот это любовь! Все бросил ради нее, а когда совсем немоготу стало, и жизни не пожалел. Как в кино. Наверное, последний мужик от любви повесился. Теперь такие не рождаются. – Лилька даже вздохнула.

– Ну ладно, бабоньки, подъем! – скомандовала Граня и принялась затаптывать теплинку.

Из-за поворота показался мастер Витя, которого Лилька успела обозвать Балериной. И кличка сразу прилипла. Когда Витя ходил, его длинные руки неподвижно висели вдоль тела, кисти он держал немного оттянутыми в стороны. Бригаде думалось, что балерины передвигаются именно так. Слишком уж несуразно выглядел он со своей застенчивостью на фоне путейских рабочих, этакой залетной, случайной птицей.

– Вон как свои чипилины передвигает! – сказала Граня, восторгаясь Витиной походкой. – Райку там шумните, он еще вчера обещал наказать ее за то, что после обеда усвистала.

– Ра-айк! Рай, Балерун идет.

Малинник не шевелился. Витя подошел совсем близко. Кричать еще раз было поздно.

– Здравствуй, начальник! – выскочила вперед Лилька и сделала реверанс.

Слышал мастер или нет, как звали Райку, но хватился сразу. Он попытался нахмуриться, но лицо вместо сурового сделалось смешным. Лилька прыснула.

– Уж не влюбился ли в нее?

Балерина покраснел.

– А-а-а! На воре и шапка горит, – с трудом сдерживая смех, она перешла на серьезный тон: – Правильно, Витя! Девка молодая, здоровая. Это ничего, что рябая – с лица воду не пить. А то, что без института, так оно еще и лучше. Мужик ты слабохарактерный, грамотная тебя быстро оседлает, а эта сама на руках носить будет.

– Прекратите, Шабалова! – всех в бригаде он называл по фамилии и только Граню, чтобы подчеркнуть ее положение, звал Аграфеной Ильиничной.

– Ну заладил: «Шабалова, Шабалова» – как на собрании. Я привыкла, чтобы мужчины меня по имени звали. Ты только послушай, какое оно красивое: ЛИ-ЛИ-Я, цветочек. А то – Шабалова. Нет у тебя подхода к женщинам. Но если хорошо будешь себя вести, за Райку сосватаю. Сам ты все равно не сможешь. Райка не согласится – меня бери. А чего? Неужели откажешься?

– Прекратите! Аграфена Ильинична, где Вахрушина?

– Ага, все-таки Райка нужна. Ну конечно, она помоложе, – Лилька говорила намеренно громко, так, чтобы за канавой было слышно.

– Придет твоя ненаглядная. По делам ушла. По нашим, женским. Райка!

Наконец кусты раздвинулись, и Вахрушина показалась на берегу. Бочком, мелко переступая и останавливаясь, чтобы удержать равновесие, она миновала бревна.

– Что ты как вареная телепаешься, не видишь, жених пришел... – Лилька хотела еще что-то сказать, но так и застыла, показывая рукой на суходол.

По полю к узкоколейке бежали двое мужчин. Один из них прижимал к груди грибную корзинку.

– Что это они? – неуверенно протянула Граня.

Вахрушина остановилась, так и не дойдя до бригады. А мужчины были уже близко. Механика Лукина Граня распознала по маленькому росту и кривым ногам. Второго, с корзинкой, она никак не угадывала. Лукин размахивал руками и что-то кричал на бегу. Слов было не разобрать, но бабы почувствовали неладное.

Райка так и продолжала стоять поодаль от всех. Почти у самой линии незнакомый запнулся, он падал, заплетаясь ногами и сильно кренясь вперед. И рухнул бы с размаху на корзину, но Лукин успел схватить его за рубаху. Полетели пуговицы, затрещала материя. Большое падающее тело дернуло Лукина, и он, не устояв, плашмя ударился о землю. Но товарищ его не упал, сделав по инерции несколько шагов, он остановился и осторожно опустил корзинку... Рубаха с вырванными пуговицами открывала широкую грудь в мокрых, скрученных в кольца волосах. Губы на красном потном лице казались белыми.

– Лахудры! Всех передавлю! – захрипел шупленький, перепачканный в земле Лукин.

Бабы не понимали, чем они виноваты перед этим маленьким, страшным человеком, но жались друг к другу, сбиваясь в кучу, и испуганно ждали.

– Все ваше отродье переведу!

Лильку подтолкнули в спину, и, еще не зная зачем, она ватно шагнула вперед, но, оказавшись одна, почувствовала не страх, а, наоборот, – свободу, словно до этого ее кто-то крепко держал за руки и теперь отпустил. Она смело прошла мимо Лукина и заглянула в корзинку.

Там был ребенок.

Он лежал бочком на грибах. Его розовую головку опутывали редкие волосики, а на спине, словно родимое пятно, темнела прилипшая шляпка подберезовика.

Или механик перестал кричать, или она на время оглохла, но образовалась такая тишина...

Лилька медленно повернулась и пошла на бригаду.

Сделала несколько шагов. Остановилась и долго смотрела на баб, переводя взгляд с одной на другую, стараясь отыскать что-то нужное, очень нужное для себя. Она по очереди вглядывалась в них, растерянных и недоуменных, задерживаясь на ком-нибудь, возвращаясь назад, как бы сравнивая, но так ничего и не нашла. Отвела взгляд в сторону. Скользнула по красному лицу мужчины. Уперлась в одинокую нечеткую фигуру Райки. И услышала свой страшный крик.

Она подбиралась крадучись, стараясь ступать на шпалы, чтобы не шуршать галькой. Вахрушина стала медленно пятиться. Лилька насторожилась, готовая в любой момент к рывку. А когда Райка запнулась и упала, она вспомнила трусливый детский прием, где падают и кричат: «Лежачего не бьют». И вдруг она услышала за спиной топот ног – это бежала вся бригада...

Витя Балерина смотрел на кучу женских тел и не знал, что ему делать. От страха он что есть силы сжал веки, а потом и совсем отвернулся.

Первым опомнился напарник Лукина.

– Так и убить могут, – тихо сказал он и шагнул к свалке.

Большая часть ударов не доставала до Вахрушиной. Их принимали те, что были ближе к ней. Лилька чувствовала, как тянет кожу возле глаза. Ей было все равно, с чьим локтем она столкнулась, но распухший глаз не давал злости погаснуть. Ей хотелось мстить за этот синяк, за прежние, за которые отомстить не удалось, за исковерканную жизнь – во всем сейчас была виновата Райка. И с каким-то наслаждением месили острые кулачки мягкое, как тесто, тело.

Мужчины хватали взбесившихся баб и оттаскивали к канаве. И стоило отпустить вроде притихшую воительницу и отойти от нее, как та снова лезла в свалку.

– Прекратите это безобразие! Шабалова, как вам не стыдно? Это хулиганство! Самосуд! Вы ответите! – пытался уговаривать Витя. – Ну прекратите же!

Наконец он нашел слушателя. Из свалки выдавили Граню.

– Аграфена Ильинична, вам-то как не стыдно? Вы должны повлиять на них, как бригадир, как ветеран труда.

Тяжелым дыханием Граня сдувала волосы с разгоряченного лба.

– Уйди, сосунок, не суйся в чужие дела.

Но в кучу не полезла. Увидев пустые попытки мужиков растащить драку, Граня сплюнула густую слюну и охрипшим голосом крикнула:

– Стойте! – А потом, словно по инерции, шепотом: – Стойте, бабы.

И скорее всего, не крик, а шепот перехватил занесенные для ударов руки.

Расходились молча и не оглядываясь.

На рельсах остались Лилька Шабалова и Райка.

Лилька тянула ее за волосы, пытаясь заглянуть в лицо.

– Дай в глаза твои плюну, чтобы сгнили они, бесстыжие, – шипела она.

Мужчина поднял Лильку и повел, придерживая за плечи. Она не сопротивлялась.

Вахрушина лежала неподвижно. Ее растрепанные волосы шевелились от ветра, из-под задранного платья торчали грязные, в кровоподтеках толстые ноги и неряшливо выглядывали розовые трусы.

– Убили! – раздался удивленно-испуганный голос.

– Воды, – приказал побледневший Лукин.

Кто-то побежал на канаву. Лукин опустился возле Райки, брезгливо одернул подол и попытался повернуть ее лицом вверх. Подошла Граня.

– Вставай, будя дурочку валять.

Райка пошевелилась, затем приподнялась над землей и подобрала колени. Некоторое время она оставалась на четвереньках, опасаясь подняться. Потом, видно, поняла, что бить ее больше не будут, и попробовала встать, но локти ослабли, и она ткнулась головой вниз.

Лукин и Граня с трудом подняли ее и отвели на клетку шпал в сторону от бригады.

– Витя, мы побудем здесь, – продолжал командовать механик. – Мало ли что стрясется, а ты беги на разъезд и вызывай дрезину с врачом и милиционером, ребенок еще живой, может, удастся помочь, так что – побыстрее.

И снова раздался Лилькин вопль:

– Стерва! Кошка толстомясая! На кого руку подняла, на ребеночка!

Она попробовала вырваться, но мужчина крепко держал ее. Тогда, изогнувшись, Лилька укусила его за палец. Мужчина ойкнул и отпустил. Оттолкнув пытавшегося помешать ей Балерину, она вцепилась в Райкину грудь. На пыльной кофте появилось темное мокрое пятно.

– Змея, вон молочище так и прет...

Лукин схватил ее за руку и ударил по щеке. Лилька тупо посмотрела на него, потом закрыла лицо и, покачиваясь, пошла, около канавы она медленно осела.

Совсем рядом безумствовали краски сентябрьского леса, и ей показалось, что среди нарядных деревьев мелькнула высохшая осина, на которой повесился из-за любви очень хороший человек.

Единственный поцелуй

Оля, а точнее уже Ольга Степановна, приехала на место работы за неделю до своего первого учебного года, надо было появиться раньше, но мама отстояла ее право на заслуженный и, главное, необходимый отдых. Мама – человек. Мама понимала, что не институт, не экзамены взвинтили ее нервы, – совсем другое, о чем отцу догадываться некогда. Что взять с мужчины. Все они – слепцы, эгоисты, дутые индюки. Но теперь, слава богу, всё позади. Никого ей не нужно. Пусть кто лезет из кожи, чтобы сделать карьеру – ей безразлично. Она будет преподавать в обыкновенном рабочем поселке. Только перед этим ей нужно было отдохнуть, успокоиться, забыть о последней кошмарной зиме. И море помогло. «Солнце выжгло боль, а волны зализали раны», – шепнула мама. Отец же посмотрел на нее и даже не смог острить: «Ну и ну! Хороша!» На большее его не хватило. Оля и сама себе уже нравилась. Особенно волосы.казалось, они не выгорели, а впитали солнце и теперь светятся. Разве она похожа на ту, которую не любят?

Конечно нет. Уже на вокзале парень, совсем еще юненький, уговаривал ее сесть на мотоцикл. И директор школы был подозрительно заботлив, может, конечно, она вообразила бог знает что, но перед какой-нибудь дурнушкой он бы не стал рассыпаться – это уж точно. А на другой день ее провожал из кино остроумный и красивый молодой человек.

Она сразу подумала, что и он попал в поселок по распределению, правда, ошибалась. Оказалось, он здесь вырос, по направлению предприятия окончил институт, отработал два года и уезжать не планирует, разве что лет через десять. Они шли по центральной улице на виду у фланирующей молодежи, и ей нравилось, что кавалер не суетится, не останавливается возле каждого встречного похвастаться красивой девушкой, но и не столбенеет от напряжения. Современный, уверенный в себе парень. У дверей дома приезжих, куда ее поселили на первое время, они постояли минут десять, не больше. Он сказал, что первого сентября у его приятеля день рождения, именно первого, а значит, их праздник совпадает с ее. И она пообещала прийти.

Он не поинтересовался ее именем и своего не назвал и ушел, пожалуй, слишком быстро. Но и в этом Оля отыскивала добрые приметы – значит, не торопится, значит, серьезные виды. Она подошла к зеркалу и долго расчесывала волосы. Ей было хорошо. Хотелось, чтоб запел соловей, прямо в скверике, ведь здесь же почти деревня. Но было тихо. Она открыла окно. Узенькое облачко делило пополам большую белую луну, и можно было предположить, что нижний полукруг отражается в воде высокогорного озера. Оля даже представила, как она поднимается к этому озеру. Разумеется, не одна.

До первого сентября они встретились еще раз. Молодого человека звали Василием, и не просто Василием, а Василием Васильевичем, и в довершение – Васильевым, так же как и отца – директора предприятия. А сам он работает пока начальником участка, причем самого отдаленного и трудного, поэтому пропадает там с утра до ночи. Василий много рассказывал о своем участке, и, странно, Оле было совсем не скучно слушать про его слесарей и трактористов.

Не задержалось и первое сентября. Платье, приготовленное с вечера, оказалось не тем, что нужно. К чему женщине со светящимися волосами глупая официальность. И снова потряхивание чемоданов, полный рот воды, скрип утюга и ежеминутные взгляды на будильник. А потом утренняя, неожиданно людная улица. И все с цветами. Она еще ни разу не видела одновременно так много букетов в руках прохожих. Всеобщий праздник среди недели. Целый рабочий день среди цветов и детей в нарядной новенькой форме. Торжественная линейка во дворе. Детский духовой оркестр, где ударник росточком не выше барабана. Речь директора и трогательные слова поселковой пенсионерки. Оля чуть не прослезилась и в первый раз поду-

мала с любовью о будущей работе. Цветы, смех, возбужденные детские голоса и собственное смутное и непонятное волнение – казалось, что это не на один день. Когда вышла с урока, совершенно не помнила, о чем говорила, как рассказывала, но, наверное, интересно, потому что в классе держалась тишина. Дома она взглянула на стул, заваленный одеждой, присела на кровать и, раскачиваясь на панцирной сетке, запела:

*В первый погожий сентябрьский денек
Робко входил я под светлые своды,
Первый учитель и первый урок —
Так начинаются школьные годы...*

И радостно было удивляться, что не забыла слова песни до самой последней строчки, и вспоминать утреннее обилие цветов, и думать, что праздник на сегодня еще не кончился. И не терпелось до вечера, хотелось, чтобы Василий пришел сейчас же, сию минуту. Но когда он постучался, Оля спала. Испуганно соскочив с кровати, она закричала:

– Подождите! Не входите!

Подбежала к зеркалу и принялась массировать лицо, измятое дневным сном. Все боялась, что он увидит ее такой растрепой. Но Василий терпеливо топтался в коридоре. Оля немного успокоилась и почему-то твердо уверовала, что он будет стоять за дверью сколько ей заблагорассудится. Она привела себя в порядок, убрала от посторонних глаз разбросанные вещи и только тогда разрешила войти, приготовив заранее улыбку – в награду за терпение.

– Я, в принципе, готова. Только я без подарка. Как ты считаешь, здесь можно что-нибудь для него купить?

– Думаешь, я бываю в здешних магазинах? А о подарке не беспокойтесь, он уже вручен. Ждут только нас.

– Слушай, а народу много будет?

– Нет. Муж и жена, Женя и Валера, притом Валера – это жена, мои одноклассники, работают врачами.

– Вот и буду я лишним человеком на вечере воспоминаний.

– Какие воспоминания, когда мы встречаемся по два раза в день, а то и чаще. Они здесь рядышком живут.

– Здесь у вас все рядышком, – и, чтобы не обидеть, Оля добавила: – И мне это нравится.

В коридоре он взял Олю под руку. Из своей комнаты выглянула хозяйка тетя Лиза. Оля попыталась отстраниться, но крепкая рука не отпускала. Василий поздоровался и спросил о каком-то Славке, очевидно, сыне. Она принялась рассказывать, а Оля стояла под руку с парнем и, чтобы скрыть смущение, старательно улыбалась. Ладонь у Василия была теплая, но не потная. А тетя Лиза поочередно заглядывала им в лица, все рассказывала и рассказывала о своем Славике, и Оля удивлялась выдержке Василия.

Их, конечно, ждали, но стол был еще не накрыт. Легко и как-то сразу Оля подключилась к приготовлению ужина. Помог, конечно, веселый, даже несколько мужской характер Валерии (угадали же родители с именем), но и сама Оля в этот вечер была способна на чудеса, все ей удавалось.

Они рассаживались, когда появился еще один гость, ввалился с хохотом и выкриками, долго тискал в объятиях сначала именинника, потом его жену, потом Василия и даже Олю облапил, но тут же наигранно отстранился и потребовал, чтобы его немедленно представили, потому как незнакомых девушек он стесняется. Смеялась и без того смешливая Валерия, смеялся ее муж, да и Василий смотрел весело. Что же оставалось Оле...

Гостя звали Володькой. Еще один одноклассник. И прибыл он чуть ли не с вокзала, домой только поздороваться заскочил. Приехал на неделю-полторы заготовить клюквы. Специально для Оли он вспомнил, как лихо они играли в футбол, все трое в нападении.

Компания Оле нравилась. Парни как на подбор и разные: Василий мужественный, Женя интеллигентный и бесшабашный Володька. Напрасными оказались и опасения, что праздник закончится вечером воспоминаний. Оле даже показалось, что эти веселые и добрые люди собрались не на день рождения друга, а ради нее. Ради нее готовили щедрый стол, ради нее избегали нудных разговоров, ради нее играла музыка, и все три кавалера оказались изумительными танцорами, особенно Володька со своими бесконечными и все равно неожиданными импровизациями. Конечно, и Валерию не забывали, но спешили пригласить все-таки Олю. Она видела, как парни хитрят и стараются опередить друг друга, и удивлялась, почему не обижается Василий.

Когда начало темнеть, всем захотелось на улицу. И тут Володька вспомнил:

– Представляешь, кого я встретил в подъезде? Сему Ворона.

– Своевременная встреча, – кисло заметил Василий.

– Я вам покажу, вы у меня докаркаете!

– Не беспокойся, женушка, мальчики шутят, всё не могут смириться с фактом, что ты из нас троих выбрала меня.

– Нет, правда, захожу в подъезд, смотрю, стоит кто-то, приглядываюсь – Сема.

– Володька, сейчас заработаешь. Ты же знаешь, что я суеверная.

– Я не виноват, если он встретился.

– А в чем дело? – спросила Оля.

Она не могла понять – или это накатанный в старой компании розыгрыш, или бесцеремонный Володька взаправду чем-то напугал хозяйку, и, если это так, она была готова быстро все уладить. Оля чувствовала, что у нее получится. Валерия молчала.

– Женя, в чем дело? – повысила она голос. – Кто такой Воронов?

– Голубев он, Оленька, – засмеялся Женя. – Вороном его в народе прозвали. Кстати, уникальная личность.

– Нашел уникама, – недобро усмехнулась жена.

– Да брось ты, Валерка. Эй, обормот, скажи ей, что ты пошутил, а то она боится остаться вдовой.

– Честное слово, встретил.

Теперь уже засмеялся Василий.

– Вовочка – человек принципиальный, если сказал, то будет стоять на своем до конца.

Ладно вам, пойдемте гулять, – он взял Валерию за руку и повел к двери.

– Так, значит, о Вороне, – продолжал Женя, пропуская вперед жену и приятелей. – Сема был нашим одноклассником, правда, у меня есть брат на четыре года старше и он тоже учился с Семой в первом классе.

– Как это? Четыре года в первом классе?

– Четыре с половиной. После нас он просидел еще полгода и бросил, посчитал, что образования ему достаточно. Но главное в другом, и это тебе, как математику, должно быть интересно. Представляешь, человек, не осиливший первого класса, обладает уникальной памятью. У нас в поселке около четырех тысяч человек, и Сема держит в голове все даты, связанные со смертями. Хоронят, и он тут как тут, потом заявляется на девятый день, потом на сороковой, потом на годовщину. При этом никогда не ошибается и ни о ком не забывает. Словно журнал у себя ведет.

– Так он, наверное, того, – Оля покрутила пальцем у виска.

– Разумеется, патология, но ведь какую память нужно иметь.

– Страшно все это.

На самом деле ей было нисколько не страшно. Она даже не совсем поняла, о чем рассказывал Женя.

Валерия с парнями ушла далеко вперед. А ведь только что слышался их смех. Оле тоже хотелось туда. «Догоняй!» – крикнула она и, не раздумывая, сбросила туфли. Доштые тротуары приятно холодили ноги. Женя сразу отстал. Да если бы и захотел, все равно не догнал бы. Она не бежала, она плыла по воздуху, едва касаясь упругих досок, до того легким было тело. Даже дыхание не участилось.

– Споемте, ребята!

– Подожди, где твои туфли? – испугался Василий.

– Ерунда, Женя принесет, – она приобняла Валерию, давая понять, что опасаться нечего. – Ну, Вася, запевай: «Лыжи у печки стоят». Неужели не знаете? Володька, и ты не знаешь?

– А завтра в учительской будут говорить, как Ольга Степановна горланила песни на весь поселок, – попробовал урезонить Василий.

– Да ну вас, – обиделась Оля.

Подожел Женя. Держась за локоть Василия, Оля принялась обуваться. Она слышала, как под ее пальцами вздрагивают мускулы, и воспринимала это за самое красноречивое проявление нежности.

– А вот и Сема собственной персоной. Сейчас мы и узнаем, что он делал в твоём подъезде.

– Не трогай, Володька, пусть себе идет, – сказал Василий.

– Но Женька не верит. Эй, Семен, подожди.

По другую сторону дороги остановился высокий парень.

– Пойдем, Володя, мне хочется на него посмотреть.

Оля первая выбежала на дорогу. Ее сразу же догнал Володька. За ними нехотя спустился с тротуара Василий. Сутулый парень в коротких и широких брюках, из которых торчали голые щиколотки, жался к забору и шмыгал носом.

– Он плачет, – шепнула Оля.

– Не связывайтесь с ним.

– Может, ему нужно помочь? Спроси, Володя.

– Семен, кто тебя обидел?

– Никто его не обижал. Пойдемте отсюда.

Сема заплакал громче. Оля подошла ближе. Лицо у него было бледное, над проваленными щеками выпирали скулы, а из-под реденьких светлых кудряшек торчали толстые, как олады, уши.

– Ну, что же ты, миленький, плачешь?

Он ничего не ответил, только зажмурился и задергал кадыком. И тогда Оля обняла его за шею и крепко поцеловала.

– Успокойся, никто тебе ничего не сделает.

Уже с дороги, держа под руки парней, она оглянулась. Сема стоял на самом краю тротуара и, приоткрыв рот, смотрел на нее.

– Перестал плакать, вот и молодец. Все будет хорошо.

Ее голос звучал ободряюще. Если она сказала, значит, действительно, все должно быть хорошо. Такою она себе нравилась. Оказывалось, можно и день отработать с радостью, и с первой же встречи стать душой компании, и остановить слезы незнакомого бедняги. Василий хмурился, но Оля не обращала внимания.

– Так и не спросили, что он делал в подъезде, – спохватился Володька.

– Да перестань ты. Надоело. Заладил, как попугай, – не сдержался Василий.

– Хватит вам, петушки, пойдемте-ка лучше к нам, сядем за столик и продолжим нашу операцию.

И Оля радостно поддержала новую подругу. Ей уже наскучила улица. Хотелось, чтобы ярко горел свет. Снова хотелось танцевать. А Василий отнекивался, пенял на завтрашний день, якобы тяжелый, предлагал идти без него. Его уговаривали. Оля старалась пуще всех. Идти без него ей казалось легкомысленным, хотя в шутку она и грозила отправиться с Володькой, который сможет донести ее на руках до самого дома. Но стоило им остаться вдвоем, и Оля сразу забыла о танцах. Вдвоем было тоже хорошо. А если Василий молчал всю дорогу – так сколько можно говорить. Можно просто держать его под руку, смотреть на небо, усыпанное звездами, и не бояться, что споткнешься.

Утром Оля увидела огромный бордовый георгин. Он лежал на подушке рядом с ее лицом. До него можно было дотронуться губами. На одеяле лежал второй, тоже огромный, но белый. Она вскочила – цветы были и на полу, и на подоконнике, а одна сиреневая астра прислонилась к стеклу между рамами. Она кинулась их подбирать. В комнате не оказалось не то чтобы вазы, но даже пустой банки. Радуюсь своей сообразительности, Оля вывалила в две тарелки привезенное из дома варенье. «Васенька, Василек», – напевала она. Все это никак не вязалось с его солидным и степенным видом и потому было еще дороже. Тупой нож с трудом перепилил длинные стебли. Тяжелые шапки георгинов норовили опрокинуть банку. Да и сколько их удалось поставить – третью, четвертую часть? Но не бросать же другие на столе? Хорошо еще в первый день она догадалась купить таз.

Каждую переменку Оля спешила в учительскую к телефону. Василий мог позвонить. Она бы и сама попробовала дозвониться до его участка, если бы знала, как это делается. Участок наверняка имел название, а она знала о нем только то, что он самый отдаленный и трудный. Василий не звонил. Телефон вообще молчал весь день, словно отключенный. Олю так и подмывало поднять трубку, но в учительской постоянно кто-то находился. Оставалось ждать конца уроков. Ждать, когда Василий вернется с работы.

На дорогу из школы Оля потратила не больше десяти минут, даже в столовую не зашла, боялась пропустить звонок. Едва завидев тетю Лизу, не вытерпела:

– Не звонили мне?

– Здоровкаться сначала надо.

Тон ее голоса и поджатые губы обескуражили Олю. Она не чувствовала за собой вины. Оля не стала допытываться о причинах плохого настроения у старой женщины и отправилась к себе.

– Не знаю, как тебя по батюшке, но предупреждаю: если не образумишь своих кавалеров, я буду жаловаться.

– Каких кавалеров и при чем здесь множественное число?

– А при том, что все клумбы в палисаднике ухайдакали.

– Я-то здесь при чем? – засмеялась Оля.

– Смейся, смейся...

Оля не стала оправдываться и на ворчание не оборачивалась. Закрыв за собой дверь, она выглянула в окно. По садику и впрямь словно Мамай прошел. И следы вели к ней. Впору было рассердиться на Василия, но ничего, кроме признательности, она не испытывала. Пусть он сделал глупость, пусть ворчит хозяйка, зато для Оли открылся совсем другой человек. Конечно, ей нравился и прежний Василий, но этот новый был роднее. Она уткнулась лицом в цветы и засмеялась. До слез было тоже не далеко, но и слезы оказались бы в радость.

Только выходить из комнаты и встречаться с хозяйкой Оля не осмеливалась. Она прождала до вечера, но Василий так и не позвонил. Мог задержаться на работе. Мог сломаться мотовоз. Мог произойти несчастный случай, могла тетя Лиза не позвать ее к телефону. Нужно было просмотреть планы занятий, а она все гадала: что могло случиться? За полчаса до послед-

него сеанса она оделась и пошла в клуб. Но никого не встретила. Лишь возвращаясь, увидела дурачка, любителя поминок.

Ночью ее разбудил скрип форточки и возня под окном. Оля вскочила с кровати и наступила на что-то холодное и влажное. Вскрикнув, она побежала к выключателю. В комнате снова валялись цветы. Один она раздавила ногой. Оля прислушалась. Было тихо. Она выключила свет и выглянула в окно. Никого не увидела. Накинув халат, она вышла на улицу и позвала. Василий не откликнулся.

На тополях тихо шелестели еще не пожелтевшие листья. Ежась от ночной свежести, она присела на скамейку. Зачем ему прятаться – она не понимала...

На уроке у восьмиклассников появился еще один букет. Рука, дотянувшаяся до подоконника, сразу исчезла, но мальчишки с крайнего ряда все увидели и закричали: «Это Сема Ворон. Это Сема Ворон принес...»

Ну, конечно, разве стал бы Василий топтать клумбы под ее окнами, он бы догадался, где нарвать цветов для девушки. В классе перешептывались. До конца урока оставалось полчаса, а впору было распустить всех и выплакаться. Пока Оля не догадалась отправить старосту в коридор, чтобы поставил там цветы, шум в классе не утихал.

Выйдя из школы, она сразу увидела Сему Ворона. Он шел по другую сторону улицы и подглядывал за ней. Не раздумывая, Оля пересекла дорогу. Она боялась, что он убежит, но парень, как и в первую встречу, прижался к забору и ждал.

Оля понимала, что нужно говорить как можно ласковее, пытаться взять его добротой, но слова срывались резко и отрывисто:

– Ты зачем это делаешь?

– Я люблю тебя.

Оля не сразу нашла, что ответить.

– А зачем цветы?

– Они красивые и ты красивая.

– Господи! – Оля не заметила, как перешла на крик. – Зачем же клумбы топтать?

– Я люблю тебя.

– Заладил. Ты можешь понять, что я люблю другого. Другого, понятно?

– Я люблю тебя, – еще раз повторил он.

– Перестань!..

Уже приготовились, уже вертели на языке оскорбления и угрозы, но Оля испугалась своего же голоса. Получалось, что среди бела дня, на центральной улице она закатывает истерику слабоумному парню – так кто же из них душевнобольной?

– Не надо, слышишь меня, не надо больше приносить цветов, – прошептала она и скорее, скорее подальше от него.

Утром Оля боялась открыть глаза. Перед сном она несколько раз проверила, закрыта ли форточка и заперта ли дверь. И все равно боялась увидеть цветы. Прежние она выкинула на помойку, а варенье из тарелок перелила обратно в банку. В комнате цветов не было. Они лежали на лавочке возле входа.

На первом же уроке Оля услышала сдавленное хихиканье. Оно гасло на одном ряду и тут же вспыхивало на другом. На следующем уроке все повторилось. Хихикали даже сопливые пятиклашки, стоило ей повернуться к доске. Оля резко оглядывалась, и становилось тихо. И тогда она всерьез подумала: уж не слуховые ли галлюцинации привязались к ней. На перемене она явственно услышала, как тоненький голосишко за ее спиной мурлыкал: «Ты не вейся, черный ворон...». Оля не сомневалась, что песня адресована ей. Певец мог бы и не прятаться. Она все равно ничего бы не сказала.

Василий пропал. Не звонил, не заходил. День, второй, третий. Собственно, его и не связывали никакие обязательства перед ней. Но ведь на улице-то он мог встретиться. Хотя бы поздороваться, на большее Оля уже не претендовала. Так нет же, словно прятался.

Неизвестность, недосказанность мучили ее. А звонить самой, просить у матери позвать его к телефону – а вдруг мать станет допытываться: кто она, что ей нужно от сына, давно ли знакомы – мало ли что могло ее заинтересовать.

И Оля пошла к вокзалу, куда узкоколеечная «мотаня» привозила рабочих с отдаленных участков.

В составе было четыре зеленых вагончика. Пока ее взгляд метался от одной двери к другой, узкий перрончик заполнился народом. Она почувствовала, что за спиной кто-то стоит и смотрит на нее. Стоит совсем рядом, может быть, в метре, самое большее в двух. Толпа на перроне заметно поредела, но Василия не было видно. А именно сейчас он смог бы помочь. Неужели ему трудно отпугнуть этого дурачка. Не устраивать же ей новую сцену? Перрон уже просматривался насквозь. На ее плечо легла рука. Оля резко повернулась и увидела Володьку.

– Привет, что ты здесь делаешь?

– Ох! – руки у нее опустились, она не могла выговорить ни слова.

– Что с тобой? – забеспокоился Володька.

– Ну ты меня и напугал.

– Неужели я такой страшный?

Володька явно кокетничал. Вид у него был бравый. Штормовка, плотно сидящая на широких плечах, и высокие болотные сапоги четко очерчивали клинообразную фигуру.

– Хочешь клюковки?

– Нет, спасибо. Я Василия жду.

– Так он сегодня никуда не ездил. У них в конторе какое-то важное совещание.

– Мне очень нужно с ним поговорить. Ты не можешь его вызвать?

– Понятно. Смогу, если надо. Только не знаю, зачем все это.

– Мало ли зачем.

А Сема, наверное, давно тайлся поблизости. Стоило народу рассосаться, и замаячила его сутулая фигура. «Пусть видит, может, испугается и отстанет», – решила Оля и взяла Володьку под руку. Володька в этой роли выглядел куда внушительнее Василия. Но Сема не отстал. А потом и Володька заметил его.

– Эй, Семен, а ну иди сюда!

Сема остановился, но не подходил.

– Иди, клюковки дам, – и уже обращаясь к Оле, пояснил: – Чудак не понимает, что хлеб за брюхом не ходит.

– Пойдем быстрее, – попросила Оля.

Она поняла, что Володька ни о чем не знает, а значит, и Василий мог не знать. И тут же поймала себя на мысли, что боится, как бы не узнали, будто и впрямь перед кем-то виновата.

Володька повесил рюкзак на забор, развязал узел и достал пригоршню клюквы. Сема поверил, что над ним не смеются. Оля спряталась за Володькину спину и отвернулась.

– Ешь, Семен, больше витаминов и будешь таким же здоровым, как я, – вразумлял Володька до смешного серьезным голосом. – Бери, не стесняйся. Да что ты в руках мусолишь, сыпь в карман. Вот и молодец, а теперь еще горсть. С этой горстью Сема и подошел к Оле. Она смотрела на горку упругих белобоких ягод, которые так не вязались с обкусанными грязными ногтями, и пятилась от Семы.

– Возьми, не бойся, – говорил Сема и тянул к ней руки.

– Ай да Семен! Ай да молодец. Вот это я понимаю, джентльмен!

– Возьми, они вкусные, – Сема зашмыгал носом.

Так ничего и не сказав, Оля повернулась и пошла, почти побежала.

Володька догнал ее только на перекрестке.

– Зачем ты его подозвал?

– Ягод что ли жалко? Зря ты его обидела.

– Обидела! Да он со второго числа мне проходу не дает. Я уже не знаю, куда прятаться от него. Вся школа смеется.

– А Васька что?

– Вот я и хочу его увидеть, может, подскажет, как быть.

– И только-то?! А я думал – у вас более тесные отношения.

В другой бы раз Оля оскорбилась, а здесь пропустила мимо ушей, не хватало еще с Володькой поссориться...

Заверения, будто мать Василия очень простая женщина, ее не убедили. Заходить в дом она отказалась. Единственное – попросила не засиживаться.

Володька убежал, а Оля осталась у калитки. Мимо прошла женщина и внимательно посмотрела на нее. Может быть, родительница? Оля с тоской ждала, когда она оглянется. Не оглянулась. Но легче не стало. Чтобы не привлекать внимания, она прошла немного вперед. Встретились две девочки. Засмутились и, непонятно зачем, поздоровались. Она еще не запомнила в лицо своих учеников, но девочки по возрасту могли ими оказаться. Оля стала успокаивать себя, пробовала подсмеиваться и делить улицы поселка на те, по которым имеет право гулять, и на запретные... А потом увидела, как в окне самого «запретного» дома отодвинулась занавеска, и разом забыла о своей иронии. Она чуть не убежала, не дождавшись. И убежала бы, но на крыльце появился Володька. Один, без Василия.

– Полчаса назад уехал за грибами.

– Как уехал? Что же делать?

Конечно, не у Володьки она спрашивала. И не у себя. Да и у Василия, окажись он дома, не спросила бы. Еще неизвестно, кто подглядывал в окно – его мама, «очень простая женщина», или он сам. Досадно было, что вынесла столько заведомо напрасных унижений и страха.

– Скажи мне, что конкретно ты собиралась попросить у Васьки?

– Ничего я не собиралась просить. Отстань от меня.

– Зря ты, Васька в таких делах – плохой помощник, он же пай-мальчик. Хочешь, я поговорю с Вороном по-мужски, и у тебя восстановится спокойная жизнь.

– Я уже пробовала говорить.

– Ты – одно дело, я – другое.

– Глупости.

Она прибавила шаг. Ей стало скучно. Спорить, доказывать что-либо уже не было сил.

– Оленька, оглянись, он идет за нами.

– Я знаю.

– Может, все-таки поговорить?

Она уже собиралась прогнать Володьку. Подыскивала слова подходчивее. Остановилась, давая понять, что провожание закончено. Взгляд ее скользнул по палисаднику. Все цветы в нем были поломаны. Оля и не подумала, что это мог сделать кто-то другой. Она схватила Володьку за борт штормовки и, заглядывая в лицо, зачастила:

– Поговори, Володь! Поговори, чтобы он и думать обо мне забыл. Надоело, если бы ты знал, как мне это надоело!

– Все ясно. Будет исполнено и доложено. А насчет клюковки как, может, заскочим к тебе и отсыпем витаминчиков?

– Не хочу я никаких витаминов и вообще...

– Понятно. Тебе охота побыть одной.

– Вот видишь, какой ты догадливый.

Оля измученно улыбнулась ему вслед. Вот уж от кого не ждала сообразительности. Забираться в комнату не хотелось. Она свернула к узкоколейке и долго бродила вдоль путей.

В дом приезжих Оля возвратилась в сумерках. Едва она успела переодеться, как в дверях выросла тетя Лиза. Оля не столько испугалась неожиданного появления, сколько удивилась тому, что не услышала шагов. Тетя Лиза, отогнув угол тюфяка, села и принялась рассказывать о семье Голубевых. Оля не сразу поняла, при чем здесь какие-то Голубевы, и только при упоминании о Вороне вспомнила фамилию Семы. Не спрашивая, хотят ее слушать или нет, тетя Лиза выкладывала, что отец у Семы пьяница, а все шестеро детей непутевые: старшие – моряки, хоть и офицеры, да пьяницы, и тот, что перед Семкой, – шпана шпаной, а вовсе не геолог, а если и геолог, так тоже гордиться нечем, видала она геологов... И сестры недалеко ушли – одна в девках до двадцати семи лет ходит, а вторая, хоть и выскочила, да все равно мужик на сторону бегают...

Говорила она не спеша и после каждой порции грязи заверяла, что это каждый может подтвердить, даже сама Васильева Анна Николаевна.

Еще до прихода тети Лизы Оля собралась умыться и всю бесконечную историю выслушала, стоя в трех шагах от двери с полотенцем в руках. У нее затекли ноги, но она не садилась, надеясь, что ее все-таки поймут и оставят в покое. Но тетя Лиза все токовала и токовала.

Избавил Олю от нее неожиданный приход Володьки. На удивление хозяйка ни словом не заикнулась о столь позднем визите, сразу же поднялась, но на пороге все-таки не выдержала и, словно только вспомнила, рассказала, что у бухгалтера поломали все цветы и он собирается жаловаться участковому.

– Задание выполнено! – отрапортовал Володька. – А посему предлагается отпраздновать.

Оля увидела отдутый карман пиджака и покачала головой:

– Не надо, Володя, я спать хочу.

– В наши годы вредно спать много.

– Честное слово, не до этого мне сейчас, да и рискованно пить вино с красивым женщиной, – отважилась она пококетничать на прощанье.

Володька подошел к ней, отобрал полотенце и аккуратно повесил на спинку кровати, потом подвел Олю к столу и усадил. Оля не противилась, но стоило ему отпустить, она поднялась и снова забрала полотенце. Володька попробовал еще раз отнять его. Оля не отдавала. Постепенно володькины ладони перебрались на ее плечи. Все это Оля воспринимала, как баловство, пока не обратила внимания на неожиданную тишину. Очень уж сосредоточенно молчал разговорчивый Володька. Удивление сразу же сменилось испугом.

– Уходи! Сейчас же уходи!

– Ты что, серьезно?

– Уходи, или я закричу.

– Глупо, Оленька. Неужели я хуже его?

– Кого?

– Дурачка, которого ты каждое утро выпроваживаешь через окно.

– Что ты сказал?

– А ты надеялась, что все останется в тайне? Плохо ты знаешь наш поселок. Да тетя Лиза на другой же день растрезвонила.

– Тетя Лиза?

– Не я же.

– Пойдем к ней.

– Ты что, с ума сошла?

Оля выбежала в коридор. Дверь хозяйкиной комнаты была заперта.

– Откройте! – крикнула Оля и еще раз толкнулась плечом.

– Сплю я, голубушка, расхворалась что-то.

– Откройте, мне надо что-то спросить.

– Ну, говори, – едва донеслось из комнаты.

Только теперь Оля обратила внимание, что дверь окрашена в бледно-розовый цвет и сильно захватана возле ручки, хоть отпечатки пальцев снимай. Она стояла тихо. Из комнаты не прослушивалось ни звука. Очевидно, хозяйка затаилась и тоже слушала. А может, и другие постояльцы наострили уши, приникли к своим розовым дверям и ждали, когда она во весь голос начнет повторять дикую сплетню.

Когда Оля возвратилась к себе, Володьки уже не было, успел убежать. В который раз она взяла полотенце, но из комнаты так и не вышла. Сначала постояла у порога, потом прилегла и закрыла глаза. На второй разговор с хозяйкой сил не осталось. Проще было внушить себе, что сплетню выдумал Володька, впрочем, и от этого легче не становилось. Какая разница – кто?! Но про Сему Володька наверняка узнал до их встречи и догадался же подозвать, клюковкой угостить, зря, мол, обидела...

Рано утром в комнату постучали, и мужской голос велел подойти к телефону.

– Это я, Василий, – прохрипело словно по междугороднему. Оля молчала. Заснула она только под утро, поверх одеяла, в халате и теперь стояла разбитая и безразличная ко всему.

– Ты меня слышишь?

– Да.

– Мне мама сказала, что ты приходила. Но я засиделся у Женьки, и вчера звонить было поздно.

– Много грибов набрали?

– Каких грибов?

– За которыми ты ездил.

– Я же сказал, что сидел у Женьки, а не за грибами ездил.

– Значит, меня обманули. Кстати, понравилась я твоей мамочке?

– При чем здесь она? Зачем ты приходила?

– А что, нельзя было?

– Почему же, только зачем?

– Так просто, захотелось увидеть. А Володька мне сказал, что сплетни в вашем поселке распространяются быстро.

– Женька мне рассказывал. Но ты же сама во всем виновата. Я предупреждал.

– Пусть виновата, если тебе так хочется. Спасибо, что разбудил, а то бы я проспала, вчера с Володькой засиделись. Так ты хотел мне сообщить, что виновата во всем я?

– Нет, но ты же понимаешь...

– Или чтобы я больше не приходила?

– При чем здесь это?

Ему явно мешали договорить. Оля вспомнила сдвинутую занавеску: должно быть «простая женщина» из последних сил пеклась о своем чаде.

– Мама рядом стоит?

– Да, а что?

– Ладно, мне на работу пора собираться, я тебе после позвоню.

Обещание позвонить сорвалось случайно. Только обещание ли? Скорее, угроза. Но Оля обрадовалась, что так получилось – пусть теперь он ждет, пусть гадает, какой сажи еще налетит на его доброе имя. Звонить, конечно, она не собиралась.

Спешка несколько отвлекла Олю от страха, который не покидал ее последние дни. И, странное дело, пока свободно бегала по коридору, тетя Лиза не показывалась из своей комнаты.

На полпути к школе, как раз возле разоренного палисадника, Оля вспомнила, что не обратила внимания на скамейку у входа. Не посмотрела – лежат ли на ней цветы. Захотелось

сбегать и проверить. Времени оставалось только-только успеть на работу. «Что за блажь», – недовольно буркнула она. Но желание удостовериться прицепилось, как зуд.

Между первым и третьим уроками у нее получилось «окно», и Оля уговорила-таки себя сбегать домой, якобы позавтракать.

У поворота к больнице стояла Валерия в белом халате и разговаривала с беременной женщиной. Оля отвернулась и, убыстряя шаги, хотела проскочить мимо. Праздничная компания, в которой она «царила» в тот злосчастный вечер, теперь уже пугала Олю. Но Валерия сама окликнула ее и сама подошла.

– Почему не здороваешься, не узнала?

Оля не ответила.

– Ничего, я не обидчивая. Чем сегодня занимаешься?

Оля неопределенно пожала плечами.

– А то приходи к нам, у Женьки вечером дежурство, я одна буду. Придешь?

– Не знаю, к урокам надо готовиться.

– Ага, потом еще картошку копать, корову доить.

– Какую корову?

– Вот и я думаю – какую? А тут – посидим, пластинки погоняем, выпьем по рюмочке для аппетита. Покумекаем, как жить дальше. Это надо же, паразит, что возомнил. И Васька – хорош гусь. Он позвонил тебе вчера?

– Сегодня утром. Так это ты ему велела?

– Не совсем так, но около того. Ты не отчаивайся, будет совсем плохо, Женька что-нибудь придумает, он у меня мужик толковый. А сегодня заходи.

– Если смогу. Ты извини, у меня правда времени нет.

И все-таки не выдержала. Разревелась посреди улицы. Первый раз за эти дни. Подальше от глаз, она свернула в сквер возле перрончика узкоколейки, безлюдный в дневные часы, а там безбоязненно лила накопленные слезы: вчерашние, позавчерашние... Да и о завтрашних не забыла. Она очень старалась. Но когда слезы кончились, услышала, что за спиной тоже кто-то хнычет, словно помогая ей, кто, кроме Семы Ворона, мог догадаться до такой помощи.

– Уходи, сейчас же уходи, – сказала Оля, не оглядываясь.

– Он и тебя набил?

Она понимала, что нужно встать и уйти, ни просьбы, ни угрозы на него не действуют. Нужно перестать разговаривать с ним, перестать его замечать. И все-таки оглянулась. И вскрикнула. На бледном лице Семы ярко выпячивались распухшие тяжеленные губы. Они показались ей черными. Но не страх и не брезгливость, а желание обнять, утешить этого тщедушного малого с изуродованным ртом нахлынуло на нее. Оля даже шагнула к нему, на мгновение забыв о том единственном поцелуе. Шагнула, но одумалась.

– Нет! Уходи! Я же тебе сказала.

– И меня набил, и тебя набил. Тебе тоже больно?

– И меня набил, и тебя набил, – повторила Оля. – Это я его попросила. Видишь, какая я злая. Все мы злые. Иди, Сема.

Он стоял и плакал.

До начала урока оставалось десять минут. А в классе нужно было крепиться, чтобы ученики не догадались, каково ей: слушать хихиканье за спиной и притворяться, что ничего не понимает и уж, по крайней мере, не принимает на свой счет. Хорошо еще бестолковый Пушкин никак не мог уяснить, почему диагонали прямоугольника равны между собой. Три раза она провела доказательство вместе с ним и хоть немного отвлеклась от самоуничижительных дум. Но прогремел звонок, и началось: «Ударить слабоумного еще омерзительнее, чем ребенка. Сколько говорилось и писалось, что сильных людей отличает доброта, и „добренький“, обаятельный рубаха-парень останавливает в темном переулке дурачка и терпеливо убеждает его,

разговаривает на мужском языке, а убедив, торопится доложить той, которая вдохновила его, тоже добренькой и очаровательной...»

В учительской Оле сказали, что директор просил ее зайти. За десять-пятнадцать шагов она успела напридумывать возможных напастей, вспомнила каждую встречу с директором, каждое слово, сказанное им, и его улыбочное лицо, мягкие движения, вкрадчивый голос приобрели совсем определенную окраску.

Она вошла в кабинет и встала, закусив губу, стараясь и взглядом и позой подчеркнуть свою независимость.

– Садись.

Обращение на «ты» только подтвердило ее подозрения.

– Ничего, я постою.

– Да садись же, – директор попытался усадить ее.

Оля резко отдернула руку и приготовилась вклепить пощечину, если он еще раз прикоснется.

Но директор расхохотался.

– Ладно, стой, если хочешь. Ты знаешь, зачем я тебя позвал?

– Знаю!

Он снова закатился, задержался в безудержном хохоте и еле выговорил срывающимся голосом:

– Ну молодец! Героиня!

Лицо у нее горело. В кабинете было раскрыто окно, а воздуху все равно не хватало.

– Значит, знаешь. А я все собираюсь у тебя спросить, как там поживает Василий Афанасьевич Кучин?

– С кафедры истории? – удивилась Оля.

Она не понимала, при чем здесь Кучин.

– Да, да, да, – закивал директор и, предвзяв вопросы, объяснил: – Когда-то я у него учился. Забавнейший старикан. Ты знаешь, что он до пятнадцати лет не умел читать, а в двадцать шесть уже преподавал в институте?

– Знаю, а вы в каком году окончили?

– Семнадцатый год работаю. И не заметил. Так не ушел он на пенсию?

– Нет.

– И по-прежнему вас девками называет?

– Девками, – повторила Оля и попросила: – Можно я сяду?

– Нет, теперь нельзя, – засмеялся директор и пододвинул к ней стул. – Понимаешь, есть у нас еще люди, которые считают своим долгом информировать начальство обо всем, что происходит в коллективе. Я лично тебя не виню и в сплетни не верю. Ситуация фантастическая. Если честно признаться, я толком не знаю, зачем тебя вызвал и что должен тебе говорить. Может, если, конечно, не трудно, ты расскажешь, откуда все пошло. Только, ради бога, не насилуй себя.

– Так нечего и рассказывать. Увидела, как плачет парень. Самой было очень хорошо, решила и его утешить, поцеловала и пошла со знакомыми дальше. А он вообразил невесту что, цветами начал забрасывать. Вот и все.

– Когда я учился, в моде было стихотворение: «Добро должно быть с кулаками», с кулаками, конечно, можно не соглашаться. Но как помочь тебе выпутаться из этого тупика?

– Не знаю.

– Знаю, что не знаешь. Я тоже. Фантастическая ситуация, впрочем, это я уже говорил. Ты, случайно, не куришь?

– А это имеет значение? – Оля резко встала.

– Да сядь ты, не пугайся. Просто сам бросил, а тут захотелось. Перебьюсь. Значит, опять тетя Лиза. В свое время и я конфликтовал с ней. Мой брат, например, утверждает, что мнительность – профессиональная болезнь гостиничных работников, но поскольку у меня нет его опыта проживания в гостиницах, я смотрю на тетю Лизу под другим углом. У нее все время кто-то виноват: сначала в том, что одна воспитывала сына, кстати, он учился с твоими знакомыми, потом, что сын отстал от ровесников, последнее время он работал грузчиком в одном городском гастрономе, потом его и девушки не любят... В последнем наверняка виновата ты. А завидовать и злобствовать можно бесконечно – эти чувства насыщения не знают, извини за выражение, хуже солитера. Но детей тебе с ней не крестить и нервы на нее тратить не стоит. Тем более что я договорился насчет комнаты для тебя, у нас же не город. Вот Сема Ворон – здесь я ума не приложу. Видишь, какие Дон Жуаны в нашем поселке живут. Может, попробовать медицину подключить?

– Что вы! – испугалась Оля.

– Эх, святая наивность, ты при ком другом не вздумай его защищать, а то сплетни еще кудрявее станут. Ладно, иди отдыхай. Главное, не считай, что ты одинока и все против тебя. Не будешь?

– Постараюсь.

– Вот и хорошо.

А цветы ее дожидались. Рассыпанные по скамейке, они привяли за день. Никто их не забрал, и Оля – не взяла, едва взглянула и торопливо прошла мимо. Потом, уже в постели, она вспомнила, как они лежали, потерявшие упругость, распластанные по доскам, вжавшиеся в них – цветы словно стеснялись своей ненужности. Точно так же, как она сама сжималась под любопытными взглядами, когда стояла под окнами Василия... Оля все хотела встать и убрать их, но так и не поднялась. Что должна сходить к Валерии – она тоже помнила...

Поздно вечером к ней постучались. Она забыла запереть дверь. Не дожидаясь разрешения, в комнату вошла тетя Лиза. Оля лениво взглянула в ее сторону и осталась лежать.

– Вот те на! К ней свататься пришли, а она спит.

– Почто смеешься, Лиза?

За спиной хозяйки Оля увидела высокую худую женщину.

– А что я такого сказала? У тебя – жених, у меня – невеста. У тебя – Голубь, у меня – Голубка.

– Что он тебе, дорогу, что ли, перешел? Не слушай ее, девушка.

Тетя Лиза включила свет и присела к столу. Оля поднялась с кровати. Женщина осталась возле двери. Деформированное от стирок шерстяное платье сидело на ней как на девочке-переростке. Оля уже догадалась, что это мать Семы, и не знала, как себя вести.

Она смотрела на заглаженные складки на рукавах и отчетливо представляла, как женщина доставала это парадное платье и долго утюжила перед тем, как отправиться на встречу.

– Чего ж ты, Дуськ, пришла и молчишь?

– Садитесь, пожалуйста, – с опозданием предложила Оля. – А вы, тетя Лиза, шли бы к себе.

– Ишь раскомандовалась, когда надо будет, тогда и пойду.

– Выйдите, пожалуйста!

Оля еле сдерживалась, чтобы не закричать. Хозяйка зло рассмеялась, но встала.

– Ладно уж, потолкуйте по-родственному. Только не долго, в одиннадцать часов прошу любить и жаловать. А может, Дуськ, невесту-то в дом уведешь?

– Выйдите немедленно!

Оля рванулась к ней, но с ноги слетел тапок, и она остановилась.

– Что вы, бабы, не надо, – испугалась мать Семы.

Не в силах унять дыхание, Оля не могла выговорить ни слова.

Пытаясь сохранить достоинство, тетя Лиза поджала губы и плавно вышла. Потом уже из коридора Оля услышала: «Учительница для кобелей, мы еще посмотрим...»

Полубосая, она проковыляла к двери, повернула два раза ключ и какое-то время оставалась стоять спиной к комнате.

Потом услышала тихие всхлипывания:

– Что же делать-то, а?

Не знаю, – еле выговорила Оля.

Она присела напротив. Шелковый платок на голове женщины сбился набок, и она не поправляла его. Сидела, зажав ладони между костлявых колен, и вздрагивала.

– Уж ты бы, девушка, сделала что-нибудь, а?

Оля молчала. Она сама собиралась просить. Сама надеялась, что мать может уговорить Сему. А тут оказалось, к ней же и за помощью пришли.

– Вчера заявился, а на лице живого места нет. Зачем ты его так? Вовку-то, его здоровые мужики впятером не одолеют. А мой что, он разве виноват, что таким родился.

Слова вроде бы и упрекали, но звучали как просьба. Видно, голос уже привык оправдываться. И от этого Оле становилось еще хуже. Ну в чем виновата перед ней эта несчастная женщина?

– Он ведь смирный так-то. Разве где на поминках выпьет. А теперь, ровно кот какой, каждую ночь пропадает. Лиза говорит, что бухгалтерша заявить собирается, и сама, чего доброго, заявит, такая ненавистница. Ты бы хоть пожалела.

– Как я его пожалею?

– Не знаю. Только нельзя ему такому беспокойному ходить. В воскресенье у Ильиных сороковины, напоят мужики да подучат чему-нибудь. Страшно мне.

Платок совсем съехал на плечо. «Шелковый. Тоже, наверное, парадный, – подумала Оля. – Разве удержится на таких реденьких волосах». Она опустила голову и посмотрела на свои парчовые шлепанцы, выписанные по почте из Еревана. Ей стало стыдно, и она поджала ноги.

– Если бы я знала, что надо делать.

– Да уж как-нибудь. Боюсь я за него. Совсем слушаться перестал. Лиза говорит, что Васильев очень сердится, может и милиционера прислать. А ведь там без меня он совсем пропадет. Помогла бы нам.

– Не могу же я за него замуж выйти.

– Да что ты говоришь, куда ему жениться. Только как бы чего не вышло.

Пока Оля переживала, стыдясь своих глупых слов, мать или услышала шорох на улице, или почувствовала, что сын где-то рядом.

– Здесь был только что, – прошептала она. – Ох, наказание мое. Пойду от греха.

Оля выпустила ее и подошла к окну.

Мать остановилась на дороге и позвала:

– Семушка, сына, пойдем домой.

Сема не выходил. Где-то рядом прятался, или матери просто показалось, что он был рядом.

С удивлением, но без радости Оля вспомнила, что наступает воскресенье. От чего она будет отдыхать? Мать Семы просидела у нее больше часа, а Оля так и не нашла, что ей сказать. Она и теперь не знала. Обещал подумать директор. Обещала Валерия, к которой Оля так и не сходила. Но что они обещали? Подумать. Как бы они и впрямь не упрятали Сему. И все из добрых побуждений...

– Гости ушли? – спросила тетя Лиза через дверь.

– Не ушли и не уйдут никогда! – крикнула Оля.

Тетя Лиза молчала, но Оле еще долго казалось, что она стоит под дверью и слушает. Оля включила транзистор, чтобы как-то развлечься, принялась наводить порядок в чемоданах, а потом заметила, что не просто разбирает вещи, а укладывает их в дорогу. Вскоре и комната стала нежилой и сиротской. Оля вырвала из тетради листок и написала директору записку. Положила сначала на кровать, затем на стол, а подумав, достала конверт и надресала адрес. Тетя Лиза давно закрылась в своей конуре. Обитатели дома приезжих угомонились. Поезд в город отправлялся в половине третьего. На скамейке лежал свежий букет красных георгинов. Утренних завядших цветов не было. Скорее всего, Сема же и убрал их. Оля уже вышла за калитку, но возвратилась. Рук не хватало, и букет пришлось прижать локтем. Со стороны это выглядело, наверное, некрасиво. Но улицы были безлюдны.

1982

Начало оседлой жизни

Девушка словно убегала от кого-то. Она быстро села к Сивкову за стол и притихла. Вагон покачивался, плескались занавески на ветру, позванивала посуда. Девушка коротко взглянула на Сивкова и опустила голову. Он указал пальцем на свое заросшее лицо и спросил:

- Испугались?
- Значит, есть чего пугаться.
- Это потому, что вы не хотите есть. Голодный человек всегда смел.
- Интересно! – она уже не прятала глаз и разглядывала Сивкова.
- Быть голодным – нисколько. Сытым – намного интереснее.
- И трусливым, выходит, по-вашему?
- Ого, теперь вижу, что вы голодны, даже меня не боитесь.
- Уже нет, хотя вы и страшный.

Подошла официантка.

- Прекрасно! Просто замечательно! Вы любите Иоганна Себастьяна Баха?

Девушка недоуменно приподняла плечи.

- Ну, если вы не знаете, кто такой Иоганн Себастьян Бах, тогда мы будем пить пиво.
- Ешьте больше! – посоветовал Сивков.
- Думаете, полюблю? – усмехнулась девушка.
- Обязательно, и плюс к тому раздобрее.
- Это мне ни к чему.

- Дело вкуса.

- Плохого вкуса.

– Может быть, но все равно ешьте больше, – он разлил пиво по стаканам. – Меня зовут Лева. Пейте пиво и не беспокойтесь, что я расскажу матушке о вашем пьянстве. Я умею хранить чужие тайны. Можете даже поведать о несчастной любви к женатому учителю пения.

- Не нужно.

- Что не нужно? Пиво?

– Не нужно глупых комплиментов. У меня сыну шесть лет, и выгляжу я не моложе своих двадцати шести. Ну а зовут меня Светлана, если вам так хочется познакомиться с кем-нибудь в поезде.

В город они приехали за полночь.

- Куда? – спросила она.

- Попробуюсь в гостиницу, – ответил он.

Она не уходила. Смотрела на него. Пробовала смеяться. Потом тряхнула волосами и, с деланной бесшабашностью, сказала:

– В гостиницу все равно не пробьешься. Поехали ко мне! – и махнула подъезжающему такси.

Разбудили Сивкова рано. Он долго не мог раскрыть глаза, потом удивленно рассматривал обстановку, не совсем понимая, где находится, а когда вспомнил, – захохотал на всю квартиру. Солнечные лучи горизонтально входили в окна, просвечивая насквозь пышные белые волосы, было удивительно, почему они не шевелятся от световых потоков. Уже одетая, подкрашенная и как-то официально красивая, она стояла возле кровати и молчала. Чем громче он хохотал – тем сильнее она сердилась. Увидев, что она собирается уйти, он поймал ее за руку и потащил к себе. «Пусти, дурень, мне же на работу». Тому, что слово «дурень» прозвучало скорее резко, нежели шутливо, он не придавал значения. Он хохотал. Он радовался. Легко спрыгнув с кровати, он принялся делать зарядку, демонстрируя сильное прогонистое тело, которому до эта-

лона не хватало разве что ровного пляжного загара. Закончив разминку, он пошел умываться и делал это долго, с громким блаженным урчанием. Потом потребовал «жрать» и, проглотив приготовленную на двоих глазунью, старательно вытер сковородку куском хлеба.

– Ты зачем приехал? – спросила она, вставая из-за стола.

– К тебе.

– Я серьезно.

Он наморщил лоб, словно припоминая, зачем же он действительно приехал.

– Ах вот ты о чем. Прибор посмотреть. Начальник вычитал, что в вашем городе изготовили новый прибор, ну и послал меня на разведку.

– А у вас там все бороды носят?

– Нет, только те, у кого они красивые. Кстати, в городах небритых больше, чем в геологии, геодезии и на флоте вместе взятых.

– И долго ты будешь проверять прибор?

– Долго.

– Это сколько – неделю, месяц?

– Месяц, – соврал он и засмеялся.

Прибор оказался громоздким и капризным. В «домашних условиях» он еще годился, но таскать такую бандуру в поле было бы скучновато. С ним было все ясно. Оставалось выполнить заказы, перечень которых занимал три страницы в записной книжке, и купить билет восвояси.

В гостинице, где ему забронировали номер, о котором он вчера умолчал, Сивкова слегка пожурили за опоздание, но место все-таки нашли. Приходить вечером Светлана не велела и советовала отоспаться. Укладываясь, он с тоской вспомнил ее совет, однако уснул, не успев помечтать о новом свидании. Зато на другой день подъехал на полчаса раньше условленного.

Света открыла сразу, словно ждала его возле двери. Он с удовольствием отметил и то, что она одета не по-домашнему: выходное платье, лакированные туфли, тщательная прическа. Но безразличное выражение лица заставило его задержаться на пороге. Не отпуская дверной ручки, он внимательно посмотрел на хозяйку и дождался, когда она заметит и поймет его взгляд.

– Я только что пришла с работы. Устала. Сивков нагнулся, чтобы разуться.

– Не надо. Во что я тебя переобую, Викторовых тапок тебе на полноги не хватит.

– Ничего, я в носках. Они, кстати, без дырок.

Света провела его в комнату и усадила в кресло к журнальному столику, а когда он достал вино, – молча принесла фужеры и яблоки.

– Здорово!

– Мы же здоровались.

– Здорово еще раз.

– Ну, если тебе так хочется, здравствуй.

И снова замолчали. Он указал ей на рюмку и поднял свою. Он выпил. Она – подержала и поставила. Он налил себе еще раз и выпил, уже не приглашая ее. На улице темнело. Он подошел к окну и долго стоял спиной к ней. Она продолжала молчать. Он снял со стены гитару.

– Играешь?

– Нет, это Виктора.

– Хочешь песенку?

Она дернула плечиком, словно от холода. Жест, наверное, должен был означать, что ей все равно. Сивков немного помедлил, затем щипнул струну, прислушался к звуку, щипнул вторую и стал наигрывать простенькую мелодию, а потом вполголоса запел:

Разыграю в орлянку бездомную жизнь,

*Вот смотрите, бросаю монету —
Рублик, белый цыган, ну-ка, правду скажи,
До какой остановки доеду?
Выпадает орел, ну, конечно, я знал.
До свиданья, друзья, надо ехать.
Мне рукою махнет суетливый вокзал,
И колеса закатятся смехом.
Полнедели пути, полнедели вина,
Проводницы раскрытые губы...*

– Клячкин?

– Нет, какой-то парень из дружественной организации – то ли геолог, то ли наладчик, а что, нравится?

– Что-то есть.

– Иди ко мне? – он хлопнул рукой по своему колену.

Она подошла. Села. Обняла его за шею, даже не обняла, а просто положила руку на плечо. Сивков ткнулся губами в ее щеку. Она отстранилась, потом встала и включила проигрыватель, а возвратилась уже в свое кресло. Пластика играла долго, а когда она кончилась, Света встала и передвинула головку снова на край диска. Тогда он тоже встал и выключил проигрыватель.

– Светленькая, что с тобой?

– Не могу. Не могу, как ты, – приехал, побаловался, уехал. Боюсь привыкнуть. Зачем это мне? Через пять дней ты уедешь, а мне что прикажешь делать? Отвыкать? Привыкать к другому?

– Подожди...

– Что ждать? Когда раздобришься и позовешь отдыхать на юг? Мне этого мало! Понимаешь, ма-ло! – потом совершенно другим тоном: – Нет, ты не думай, я от тебя ничего не требую, да и как я могу требовать. Кто я – брошенная женщина. Пусть я сама выгнала его. Выгнала, потому что не любила. Но все равно, в твоих глазах я – брошенная женщина, и притом очень доступная. Ты можешь думать обо мне как угодно, это твое дело, но нам лучше расстаться.

– Подожди.

– Только не упрасивай и ничего не обещавай. Я не люблю таких мужчин. Они напоминают мне мужа, а я не хочу о нем вспоминать, я вычеркнула его из памяти.

Она долго не могла достать сигарету, потом долго мучила зажигалку и наконец поднесла ее к фильтру. Сивков резко задул пламя и, перегнувшись через стол, отобрал сигарету.

– Светленькая, не надо нервничать. Ты просто устала. Она всхлипнула. Сивков осторожно погладил ее волосы, потом поднял на руки и долго носил по комнате, укачивая, как ребенка.

Он уезжал через три дня, рано утром. Света его не провожала. На платформе рябили многочисленные лужицы. С крыш вагонов капало. В тамбуре наследили, и проводница ворчала.

Этот дождь он привез с собой. Лил целую неделю. Работы в поле пришлось прервать, а людей отпустить в отгулы.

На потолке комнаты приездных образовалось большое серое пятно с желтыми краями. Он уже несколько раз просыпался, но, увидев пятно, снова закрывал глаза. Около пяти он пересилил себя и встал. Сосед Гошка ушел на рыбалку в его сапогах, гошкины были дырявые и на два размера меньше. В комнате стоял сырой и тяжелый дух. Он посмотрел на тарелку, заваленную окурками, но не тронул ее и вышел на улицу. От чистого, промытого воздуха закружилась голова. Тучи разогнало, и небо слепило непривычной синевой. На тротуары уже натащили

грязи. То прижимаясь к забору, то прыгая с доски на доску, он добрался до столовой. После двадцатичасовой игры в преферанс и нескольких бутылок «Гратиешти», которое он разбавлял крепким чаем, аппетита не было. Торопливо, без хлеба, вычерпав из рассольника жижицу и поковыряв котлету, он подошел к буфетнице и велел ей передать рабочим, чтобы завтра выходили. Тоська попробовала сделать непонимающее лицо, но Сивков погрозил ей пальцем и отвернулся. В клубе шел старый фильм. На двери бильярдной висел большой зеленый замок. Возвращаясь домой, сколько ни прыгал, сколько ни старался выбирать места почище, – все равно устряпал брюки по колено. После улицы воздух в комнате казался еще тяжелей. Он хотел разуться, но увидел на полу ошметья засохшей грязи и пошел прямо в ботинках. Снова попала на глаза тарелка-пепельница. Он уже собрался идти к хозяйке за веником, но вернулся Гошка. Лицо у него было виноватое. Он мялся возле двери и рассеянно улыбался.

– Понимаешь, старик...

– Ладно, только свои заклеить пора.

– Да, конечно, обязательно, завтра заклею, понимаешь, такое дело...

Сивков увидел его бегающие, блестящие глазки и все понял.

– Иди к черту! Надоело, никуда я не пойду!

– Левчик, это не по-мужски. Когда тебе нужно было, я же не рассуждал. Понимаешь, мокро везде.

Сивков стал молча переобуваться, а уже с порога брезгливо посмотрел на стол и растерзанные кровати.

– Приберись хоть перед тем, как бабу приводить.

– Сама приберется. Ты не беспокойся, в двенадцать ноль-ноль все здесь будет, как в детском садике.

Девица сидела на самом краешке скамейки и смотрела на дверь дома приезжих. Сивков видел ее впервые, но торопливо прошел мимо, даже любопытства не появилось.

По дороге в клуб, за одной из оград, он увидел белую гору березовых чурбаков и женщину с колуном возле нее.

– Работника не нужно?

– Хитрый Митрий.

– Серьезно, очень хочется дров поколоть.

– Всем вам хочется.

Кончилось лето.

Сивков приехал не предупреждая. Подергал запертую дверь и начал писать записку.

– Ой, Лева! Левушка!

Света бросила сумочку и повисла у него на шее. Сначала они целовались на лестничной площадке, потом – в комнате.

– Подожди, – шептала она, вырываясь и смеясь. – Я же Игорешку от мамы взяла, ты пока раздевайся, а я пойду соседку попрошу, чтобы она его у себя оставила, она поймет, я этим не злоупотребляю, только если в театр с приятельницей соберусь.

– Зачем соседей привлекать к семейной жизни, пусть Игорешка идет сюда, я ему игрушку привез, конструктор.

– Нет, я не хочу, чтобы он видел, он уже большой.

– Тем лучше, значит, быстрее поймет, я же навсегда приехал.

– Уже рассчитался, могу и трудовую показать – сплошные благодарности! – и он полез во внутренний карман за документами. – Решил начать оседлую жизнь и по этому случаю прошу тебя взвалить на свои красивые плечи функции моей жены.

– Так вот сразу... Даже не знаю.

– А чего раздумывать. Веди Игоря, и будем знакомиться.

– Нет, давай лучше завтра. Подожди, к соседке сбегаю, я быстро. – Не похожая на себя, излишне торопливо – то ли по-детски, то ли по-старушечьи – она выскочила в коридор. Сивков прошел в комнату, опустил в кресло и закрыл глаза. Поскрипывала непритворенная дверь. С лестничных маршей доносились чьи-то шаркающие и редкие шаги. Света долго не шла, и ему показалось, что он может заснуть в кресле. Вернулась она с мороженой курицей в руках.

– В обмен на Игоря?

– Да вот попросила, и сама не знаю – зачем. Наверное, хочу похвастаться кулинарными талантами.

Пока она готовилась к демонстрации этих талантов, Сивков незаметно вывернул пробку. Света растерялась.

– Что же делать? – спросила она, прижимаясь к Сивкову.

– То, что делают все влюбленные.

– Холодильник разморозится.

– Ах да, холодильник...

Извлеченный из чемодана «конструктор» лежал под одеялом на детской кроватке. Утром Света отвела Игорешку в садик прямо от соседки. Сивков видел их только из окна. И теперь, дотерпев до половины шестого, то и дело поглядывал на улицу. А когда увидел красивую стройную блондинку в красном плаще и мальчика в красной курточке – залюбовался. Мальчик все время забегал вперед и нетерпеливо поджидал медлительную маму, а дождавшись, цеплялся за руку и тянул за собой. Мама наклонялась и что-то объясняла ему. У Сивкова вспотели ладони. Он пошел на кухню и вымыл руки с мылом, а потом долго держал их под холодной водой и ждал звонка. Прямо с порога мальчик сказал: «Здравствуйте», – и замолчал. Сивков протянул ему руку. Мальчик подал крохотную ладошку.

– А я знаю, что тебя зовут Игорь.

Мальчик сказал «спасибо» и стал снимать курточку. Мама ему не помогала. Сивков поминал его, и ребенок пошел за ним. Мама тоже собралась было полюбопытствовать, но он сделал ей знак рукой.

Его подарку Игорь не обрадовался, и только тогда Сивков обратил внимание на семейство кукол в углу.

– У Максимкиного брата такой есть, он из него подъемный кран делает.

– Мы тоже сделаем подъемный кран и самолет, если надо, сумеем. А винтовку ты видел когда-нибудь?

Мальчик недоверчиво посмотрел на него. Сивков сделал обиженное лицо и велел подождать. Вернулся он с длинным брезентовым свертком. Игорешка оставался равнодушным, пока не увидел разобранную пневматическую винтовку, а когда Сивков собрал ее и сделал первый, холостой, выстрел, – мальчишка уже не мог оторвать глаз от неигрушечного ружья. Счастливый, он качал его на руках, словно куклу. Сивков приложил палец к губам, прикрыл поплотнее дверь и, разжевав кусок газеты, сделал пульку. Долго не могли выбрать мишень. Переговаривались шепотом. Остановились на коробке из-под кубиков. Пока Сивков прицеливался, мальчик зажимал уши и втягивал голову в плечи, а когда коробка подпрыгнула, он радостно вскрикнул и побежал осматривать ее. В комнату постучались. Игорешка заговорщически показал на винтовку. Сивков быстро сунул ее под одеяло, и они оба уселись на кровать.

– Ну, как вы? – спросила мать, когда ребенок уснул.

– Нормально, хороший мужик, толк выйдет.

– А я вот чего нашла около твоего чемодана, – она протянула черный конверт. – Я даже не подозревала, что ты такой фотогеничный. Подари мне ту, на которой ты в тельняшке?

– Зачем тебе фотография, когда я рядышком в натуре. Хочешь, тельняшку одену.

– Надену.

- Что надену?
- Тельняшку надевают, а человека одевают. Да, совсем забыла: у нас в субботу гости будут, приятельница напросилась. Они очень славные, интеллектуалы, особенно муж.
- А я хотел тебя на природу вывезти.
- Миленький, это же не последняя наша суббота.

– А вот еще про браконьера, – просила Света и загадочно улыбалась гостям, приглашая послушать нечто небывалое.

И Сивков повторял для гостей истории, день или два назад рассказанные Свете. Внимание слушателей не ослабевало. Несколько раз, под различными предложениями, Света заставляла его вставать из-за стола, чтобы гости лишний раз увидели, какой он большой и сильный. И приятельница, посмотрев на его огромный кулак, всплеснула ручонками от восторга и от ужаса одновременно.

А когда Света посчитала, что экзотики уже достаточно, и перешла к своим городским проблемам, то про Сивкова словно забыли. С удивлением он узнал, что муж приятельницы работает в библиотеке. И скрыть удивления не смог. Муж сконфузился и объяснил, что у них работают не только библиотекари. Разговор за столом сразу скис. Сивков зачастил с тостами, а Света после каждого из них незаметно толкала его ногой. Потом она сняла со стены гитару и сказала, что Лев немного поет. Приятельница с мужем начали усаживаться поудобнее.

*...Полнедели вина, а потом тишина,
И тоска не уходит на убыль.
От себя убежал и вернулся к себе,
Этот замкнутый круг нескончаем.
И опять во мне зреет трусливый побег,
И опять будет выбор случаен.
Может быть, повезет, а скорее, что – нет.
И кривится хмельная усмешка.
Словно волчьи глаза светofоровый свет.
Рубль лежит на полу кверху реишкой.*

- Клячкин? – спросила приятельница.
- Это Левин друг написал.
- Не друг, а парень из дружественной организации.
- Сколько бардов развелось в России, – ухмыльнулся муж.
- Не иронизируй, – вступилась приятельница. – Ну, грубовато немного, дилетантски, конечно, но в духе настоящих мужчин. Тебе этого не понять.

Когда гости ушли, Света сразу принялась мыть посуду. Тарелки громко стучали друг о друга.

- Ты что, расстроилась?
- Пить нужно меньше.
- Да что мы выпили – слону дробина.
- Вот именно – слону. Ты понимаешь, что это интеллигентные люди, а ты со своим блатным жаргоном. Библиотекаря нашел!
- Зачем ссориться? Я ничего не имею против твоих друзей, а тебя люблю. Хочешь, бороду сбрую?
- Сбрею. Бороду бреют, а не бруют. Но тебе не идет без бороды.
- Ты же не видела.
- Нет уж, оставайся таким, какой есть.

Осенний лес «шел» Светлане. Осинные листья были одного цвета с ее костюмом, а березовые – с волосами. Сивков специально приотстал, чтобы полюбоваться со стороны. А Игорешке листья казались бабочками. Он гонялся за ними, радостно визжал, спотыкался, падал и не плакал. На берегу реки Сивков принялся обучать их стрельбе. Игорешка не попадал в цель, но хлопок выстрела и легкая отдача в плечо приводили его в восторг. Мама отнимала у него «игрушку» и целилась сама, а когда, после первых промахов, сбивала подряд кусок бересты и спичечный коробок, – радовалась громче ребенка. Обедали у костра. Пекли картошку. Ели ее, пачкая обугленной кожурой губы и щеки, и смеялись друг над другом. Потом собирали букеты из веточек и травы. Самый красивый получился у женщины. В нем угадывались и тонкий вкус, и чувство меры и цвета, и даже какая-то композиция. Оба мужчины признали ее победительницей. Она благодарно улыбалась и, не стесняясь сына, крепко целовала Сивкова и шептала, что он ей открыл глаза на природу, и просила подарить осенний лес. В электричке и мать, и сын прильнули к Сивкову и не просыпались до самой станции. Он слушал их ровное дыхание и боялся пошевелить затекшей рукой.

Таксист лихо затормозил возле подъезда ЗАГСа.

– Не уезжайте, мы через минуточку, – предупредила Светлана. Сивков вопросительно посмотрел на нее. Таксист – на Сивкова.

– Зачем разводить бюрократию, заполним бланки – и домой.

Сивков отдал деньги и захлопнул дверцу. Света хотела что-то сказать, но такси тронулось.

– Зря, теперь новое ловить придется.

– Поймаем.

Они оказались единственными посетителями. За столом сидела пожилая женщина с красивым и очень добрым лицом. Здороваясь, она привстала и улыбнулась. Когда Сивков протянул документы, она предложила им сесть и ничего больше не спрашивала. Сивков заметил, что на ногах у женщины самодельные домашние тапочки на войлочной подошве и с меховыми отворотами. Там же, под столом, стояли туфли.

– Светленькая, тебе понравилась эта женщина? – спросил он уже на улице. – Я как будто дома побывал, у матери.

– Разжиревшая старуха, которой хочется выглядеть моложе.

– Ты видела, что у нее на ногах?

– Импортное?

– Импортное. Сама ты импортная.

– Что с тобой?

– Да так, ничего. Все нормально. Через месяц мы будем законными супругами. Ты родишь мне сына, и мы назовем его Мишкой. Михаил Львович – звучит?

– Тебя послушать – это верх удовольствия. Попробовал бы один из вас. Ты, наверное, хочешь, чтобы я разжирела, как свинья.

– Тебе можно.

– Полные и многодетные сейчас не в моде.

Сивков посмотрел на нее. Лицо у Светы было серьезным.

– Ну знаешь! – он поперхнулся. – С каких это пор дети стали продуктом моды. Бог с ней, пусть она властвует над вашими тряпками, одевайте свои «мини» или «макси», чего хотите, но душу ведь нельзя укоротить или удлинить в зависимости от моды.

– Надевайте и хотите!

– Что хотите?

– Надо говорить грамотно. И вообще, что ты разбушевался? Жизнь покажет.

Возле дома они увидели Игоря, он что-то объяснял своему другу Максимке.

– Он большой-большой, – Игорь встал на лавочку и вытянул руку. – Даже больше еще. А борода у него, как у Деда Мороза, только черная, потому что сейчас осень, а когда на праздник елку принесут, она у него белой будет. Он за мной вчера в садик приходил. Марина Михайловна не хотела меня отпускать, а когда я сказал, что это мой новый папа, – сразу отпустила. А в лесу он мне из ружья выстрелить давал.

– Врешь!

– Не веришь? Тебе просто завидно, что у тебя нет нового папы. Дядя Лева меня весной на рыбалку на настоящую возьмет.

Сивков крепко обнял Свету. Игорь увидел их и радостно побежал навстречу, не оглядываясь на друга.

Гостей на свой маленький праздник решили не звать.

После ужина Света уложила сына, и они сели играть в подкидного. Сивков попытался заглянуть в ее карты и вдруг увидел, что Игорешка стоит в дверях и целится в них. Он не успел подумать, что винтовка не заряжена, что ребенку просто не хватит сил взвести курок. Опрокинув стул, он прыгнул навстречу Игорешке и, когда винтовка валялась на полу, в запале шлепнул мальчишку по попе. Пока Игорешка соображал – плакать ему или радоваться, что так здорово напугал взрослых, Сивков самодовольно отметил, как лихо и непринужденно у него получилось: не раздумывая, шлепнул нашкодившего пацана, словно своего собственного. И так радостно ему стало, до того родным сделался Игорешка...

Он даже не подозревал, что голос у Светы может быть таким визгливым:

– Как ты посмел?

Захныкал Игорь.

– Думаешь, если у ребенка нет отца, то с ним можно не церемониться?

Игорешка уже не хныкал, а орал на всю квартиру. Света подхватила его на руки и хлопнула дверью маленькой комнаты.

Сивков присел к столу и застыл, уставясь в одну точку.

Когда он оглянулся, свет в спальне уже не горел. Он встал, подобрал винтовку и повесил на гвоздь, который Светлана вбила для нее рядом с гитарой. Карты по-прежнему лежали четырьмя кучками: шесть штук его, шесть ее, отбой и наполовину разобранный колода с трюфлем внизу. Он собрал карты и лег на диван, но уснуть долго не мог.

Его разбудило позднее осеннее солнце. Сивков испуганно вскочил и чуть не запнулся – на полу стоял чемодан, с которым он приехал. Белье и рубашки лежали стопкой на столе. Светлана уже ушла на работу. Сивков поднял чемодан и сказал:

– Ваш тонкий намек понял.

Пока он укладывал вещи, винтовка несколько раз попадалась на глаза, но он все тянул с ее упаковкой. Она так и осталась висеть.

Ближайший поезд отправлялся вечером. С полчаса он мерил шагами перрон, потом вышел на троллейбусную остановку, доехал до кинотеатра, посмотрел подряд два фильма, посмотрел бы и три, если бы следующий кинотеатр был не так далеко.

Около вокзала его ждала Света.

– Лева, я вчера погорячилась.

– А сегодня?

– Что сегодня? Ну дура, что ты хочешь от глупой женщины.

Сивков увидел свободную скамейку и пошел к ней. Они сели. Рука Светы неуверенно коснулась его колена. Он накрыл ее своей ладонью и крепко сжал.

– А я смотрю: тебя нет. Только винтовку снять забыл.

– Игорю оставил.

– Левушка, ну нельзя же так из-за пустяков. В конце концов, я имею право, это мой ребенок, я его родила, я его воспитала, я даже родному отцу не позволяла...

Сивков поднялся. По вокзальным часам до отхода поезда оставалось десять минут. И он побежал в кассу.

1977

Влюбленный в Лидию

Над окошком висела табличка «ПРОВЕРЯЙ ДЕНЬГИ, НЕ ОТХОДЯ ОТ КАССЫ», но едва Хангаев расписался в ведомости, как его оттеснили. Он не боялся, что обманут, но если написано, значит так и положено, значит надо проверять. Народу в коридорчике набралось много. Хангаев на кого-то наткнулся, его толкали, на него шикали, но он сосредоточенно пересчитывал зарплату, тем более что получал на своем складе намного меньше рабочих, денег всегда не хватало, и видеть их в куче было, кроме всего, приятно. Из кассы он сразу пошел к дядьке Намжилу в отдел кадров, где тот работал начальником уже много лет.

В кабинете у дядьки сидели посторонние, и Хангаеву пришлось ждать минут пятнадцать, а может, и дольше. Несколько раз он собирался уйти и отложить разговор на другой день. Собственно, и говорить-то было не о чем. Всего и дел – отдать долг. И он бы ушел, если бы верил, что деньги смогут продержаться до другого дня.

– Как дела, Ганс Моисеевич? – спросил дядька, отпустив посетителей.

– Получку сегодня давали. Должок принес.

– Возьму, когда принес. Только надолго ли?

Хангаев понял намек, но промолчал. Ссориться с дядькой Намжилом он не хотел. У него бы и язык не повернулся.

– Ехал бы ты, однако, домой, парень. Делом бы занялся. Сестра бы тебе невесту в улусе нашла. Я, когда летом в отпуске отдыхал, таких невест подсмотрел, красавицы выросли – пальчики оближешь. Эх, где мои семнадцать лет и правая рука! Не оставь, однако, все это на фронте, – неужели бы я здесь брюки просиживал. Да ни за какие деньги! Разве здесь место настоящего мужчины?

Хангаев приподнялся со стула и положил перед дядькой долг, но тот сердито дернул кулечик и продолжал:

– Живи как знаешь. Самому скоро тридцать лет. Но если оставаться на заводе, тогда надо и специальность хорошую получать, так я, однако, думаю, Ганс Моисеевич.

– Мне и на складе неплохо. Все время на людях. По имени-отчеству называют. А денег всех не заработаешь. Вот если бы ты милиционером меня устроил. У них работа чистая, в галстуках ходят, и зарплату, я слышал, им прибавили.

– Я тебе не про зарплату говорю, а про специальность.

– Я пошел, дядя Намжил, некогда мне. Спасибо, что выручил.

Дядькины разговоры он слышал уже много раз. Знал, чем они начинаются и чем кончаются. Говорились, может, и правильные слова, но ему они не подходили. Что он не видел в своем улусе? Каких настоящих мужчин или – еще смешнее – красивых невест можно там встретить? Да и откуда старому однорукому дядьке знать, что такое красота! Конечно, на войне могли попасться ему польки или венгерки, но сколько времени прошло с тех пор. Старикан, однако, и не помнит их. И красота теперь другая стала. Вот если бы дядька на Лидию разок посмотрел – был бы настоящий разговор... Только и здесь Хангаев не шибко надеялся, что дядька Намжил сможет оценить новую красоту как положено. Поэтому он и не пытался ничего объяснять, не переводил слова попусту.

В общежитии дежурила Вера Ивановна. Ей Хангаев был должен два шестьдесят. Вахтерша взяла трешку, дала ему сорок копеек сдачи, а когда Хангаев пошел к телефону, спросила:

– Что, Ганс Моисеевич, опять будешь гостей собирать?

– Не знаю. Наверное, нет, – быстро ответил Хангаев.

Ему стало неудобно звонить Лидии при Вере Ивановне, набрав наугад несколько цифр, он подержал трубку возле уха и ушел.

«А может, и вправду не звонить, – подумал он на улице. – Сколько можно позволять издеваться над собой? Пойду лучше в кино».

Хангаев брел по тротуару и доказывал себе, что встречи с Лидией ни к чему хорошему не приведут, объяснял (опять же самому себе), какая она нехорошая, и полностью соглашался со своими доводами.

Только и в кино его не тянуло. Скучно было сидеть в душном зале и смотреть на жизнь, которую никогда не видел вблизи. Другое дело, если бы к ним приехала Эдита Пьеха или ансамбль танца Сибири, ансамбль даже лучше – там столько красивых девушек!

К Дому культуры он все-таки завернул. Ни Лидии, ни ее подруг там не было. Хангаев прошелся перед колоннами парадного и остановился возле Доски почета. Он внимательно рассмотрел все фотографии и не нашел ни одной красивой женщины. Единственная блондинка, воспитательница детского сада Новожилова Н. И., была курносой, а курносых Хангаев не уважал. Рядом с Доской почета стояла такая же – для лучших рационализаторов. Среди рационализаторов женщин не оказалось вообще. А как было бы здорово, если бы здесь висел портрет Лидии: и лучше – цветной. И тут же Хангаеву пришла мысль: а что, если навывдумывать штук десять рацпредложений и подать половину под своей фамилией, а половину под ее – тогда их сфотографируют и поместят рядышком, на зависть всему заводу. Он вспомнил свой склад, проходы, заставленные ящиками, и пожалел, что работает не в цехе.

Потом, даже не узнав названия фильма, он прошел к кассе и встал в очередь. Конечно, можно было бы взять два билета и «лишний» предложить самой красивой девушке, он слышал, что в больших городах так делают многие парни. Но в их городишке билетов хватало на всех, особенно летом. Могло, конечно, случиться и такое, что за ним займет очередь стройная блондинка, и тогда само собой выйдет, что им достанутся соседние места. Но на место блондинки встал механик транспортного цеха. Хангаев увидел непробритую складку второго подбородка, лицо цвета непромытой моркови и оставаться в очереди ему стало невмоготу.

* * *

В магазине продавалось вино с названием «Лидия». Он несколько раз перечитал надпись на этикетке, и все время получалось «Лидия». Глаза радовались от случайной встречи с любимым именем. Он проверил на слух, и вышло еще лучше, еще нежнее. И здесь же, прямо возле входа, оказался исправный телефон. И в общежитии быстренько позвали Лидию.

«Приду, если пообещаешь хорошо себя вести», – ответила она.

Хангаев, не задумываясь, пообещал. Но когда повесил трубку, настроение сразу испортилось. Вспомнились последняя встреча, и предпоследняя, и еще несколько похожих одна на другую. Муторно ему стало, до стога муторно, от стыда и злости на себя.

Из магазина он заспешил в общежитие. Надо было подготовиться к приходу гостей.

Сосед валялся на койке и уходить не собирался, хотя и обещал ночевать у своей «вдовы». Пришлось выставлять бутылку. Пить на двоих вино с таким названием Хангаеву было особенно неприятно. Он молча смотрел на стол и ждал, когда у соседа проснется совесть, а тот повеселел и нес без остановки всякую чепуху. О чем он рассказывает, Хангаев не понимал, но с каждым словом нервничал все сильнее. Сосед небрежно разливал вино, а Хангаев ругал себя за то, что не догадался взять на этот случай чего-нибудь попроще: «Вермута», например, или «Варны». И еще он сердился на дядьку Намжила, который до сих пор не помог ему получить квартиру, потому что, будь у него свой угол, – все бы шло по-другому. Бутылка опустела, а сосед не вставал из-за стола, но поторопить Хангаев не осмеливался, боясь, как бы тот не раздумал уходить. Забыв, что уже полгода у него нет часов, он широко повел рукой, освобождая запястье от манжеты. Его не очень интересовало время, главное, он пытался дать понять, что надо торопиться:

не хотелось, чтобы Лидия застала их вместе. Кто мог знать, какая блажь взбредет в ее шальную голову.

Когда Хангаев наконец-то остался один, спокойнее на душе не стало. Он суетился, хватался за ненужные вещи, ставил их обратно, забывал и, сделав с десяток кругов по комнате, снова тянулся к ним. За считанные минуты бедная пепельница успела постоять и на столе, и на подоконнике, и на тумбочке, и в шкафу. Доставая из чемодана фужеры, он чуть не разбил один. Это так испугало Хангаева, что он взял себя в руки. Быстренько навел порядок на столе. Достал из сетки десяток помятых ромашек, которые сорвал по дороге из магазина, и поставил их в пол-литровую банку. Не хватало только музыки, но свой магнитофон Хангаев давно продал, а купить новый никак не мог. Приходилось ждать до зимы, до охотничьего сезона, когда можно съездить домой и попросить у отца денег.

И вдруг он услышал голос Лидии. Ее и еще чьи-то голоса.

Все повторялось: опять Лидия притащила подругу, опять начнет издеваться над ним при людях и опять он же останется виноват, Хангаеву сразу расхотелось выходить к гостям, говорить какие-то слова...

С Лидией, как всегда, пришла Рита, а с Ритой, как всегда, новый парень.

– Ну показывай, где у тебя вино, названное моим именем? Прекрасно. Умничка, Ганс Моисеевич, а теперь поцелуй вот сюда, – она указала пальцем на щеку и нагнулась.

Хангаев, не глядя на ее спутников, медленно подошел и поцеловал, куда велела.

– Когда ты научишься целоваться? И учти, на старости я с тобой все равно разведусь, потому что нагибаться с радикулитом – удовольствие ниже среднего.

– А он подставочку делает, – осклабился парень.

– Умничка, Боб, ты спас нашу будущую семью! Шутка Хангаеву не понравилась, но он промолчал.

– Хватит вам. Поцелуй и меня, Ганечка, ты же знаешь, как я тебя люблю.

– Ритка, учти: я не ревную, но предупреждаю, – и Лидия притворно погрозила пальчиком.

Но каким красивым был этот длинный пальчик, ровненький, без единой морщинки, с блестящим ноготком!

Хангаев смотрел на него и не знал, с чем сравнить свое изумление. Где и когда он видел подобное? Разве что в детстве, в лесу, когда неожиданно возникал в мокрой от росы траве стройный молодой подосиновичек с молочно-белой ножкой и малюсенькой шляпкой темно-красного цвета, еще не успевшей распрямиться. А голос! Какой голос! Не голос, а лесной ручеек, бегущий по чисто промытым разноцветным камушкам: зеленым, белым, малиновым. А волосы! И для волос ее Хангаев придумывал множество сравнений, то они казались ему мехом лисицы, то пенящейся на перекате водой, то степным ковылем.

– Ну, Ганечка, когда же ты меня поцелуешь? – надоедала Рита.

Вот у нее совсем не такой голос, глухой, словно холодной воды напилась, и волосы короткие, черные, жесткие, как у девчонок из его улуса. Одно непонятно, как она ухитряется часто менять парней.

А Борис уже совсем освоился в комнате, распорядился закуской, открыл вино и достал два стакана.

– Я, как человек новый в этом доме, буду пить из фужера, из второго, конечно, ты, Лидок, как будущая хозяйка.

Рита увидела, как смотрит Хангаев на парня, и крикнула:

– Боб, не борзей, это Ганечкин фужер.

– Молчу. Но предварительно, девочки, наведите маленький марафет: помойте тару, вытрите стол и потом по коням, как говорили предки нашего доброго хозяина.

– Ты моих предков не трожь!

– Прошу прощенья. Все понял – предков необходимо уважать.

Когда сели за стол, Хангаев заметил, что исчезла банка с цветами, и сразу подумал на парня – только тот мог выкинуть их. Он почувствовал, как начинают мелко дрожать колени от злости и страха. Но злость перебарывала, и Хангаев почти поверил, что теперь даже Лидия не сможет помешать ему ударить губастого верзилу.

– Куда дел цветы?

– Какие цветы?

– Ромашки.

– Не видел я никаких ромашек.

– Ромашки? – спросила Лидия. – Ромашки спрятались, завяли лютики. Я выкинула их вместе с банкой. Там остатки кабачковой икры на стенках были. И хватит меня томить, хочу выпить моего вина...

Она говорила, а Хангаев молчал, и ему было стыдно, что он крикнул на гостя, стыдно за грязную банку и завядшие ромашки.

– А если машину назовут «Лидия»? «Ладой» же назвали – ты мне подаришь ее?

– Значит, обвинение с меня снимается? – поднялся Борис. – Все хорошо, все мирно. Грянули, девочки.

– Подарю, – шепнул Хангаев Лидии, – обязательно подарю.

Потом Борис начал вспоминать один за другим грузинские тосты, а когда Лидия предложила выпить за любовь, оказалось, что вино кончилось.

– Брось ты, какая в наш век может быть любовь. К тому же за нее поднимают третий тост, а у нас уже десятый, так я говорю, Боб, – Рита похлопала кавалера по щеке и многозначительно добавила: – А может, и больше.

– Второй, а не третий, если на то пошло, – капризничала захмелевшая Лидия.

– Нет, третий!

– Ерунда, для вас главное первый, а потом хоть тысячный.

– И дурак же мне достался.

– Не верь, Боб, ты умничка. Ганс Моисеевич, дай ему денег, пусть он сгоняет.

– Ганечка, не давай.

– А я хочу – за любовь! И танцевать хочу. Когда ты наконец купишь магнитофон?

– Хангаев достал деньги. Борис потребовал портфель и собрался уходить.

– А я пойду музыку раздобуду. Я хочу танцевать.

– Лидка, сиди!

– А ты кто такая? И ты молчи! Все молчите. Я хочу музыки и любви.

* * *

Когда они ушли, Рита присела рядом с Хангаевым.

– Зачем она тебе, Ганечка? Ты же для нее пустое место.

Хангаев наклонил голову, зажмурил глаза. Но слезы все равно выступили и покатались по щекам. Он вытирал их, а они текли и текли. Попробовал встать, чтобы сходить умыться, но Рита не отпускала, а у Хангаева уже не было сил вырваться.

– Хочешь, я останусь у тебя?

– Уйди, пока не схлопотала.

– Глупый, я же тебе добра желаю. Она не договорила. В коридоре зазвенел голос Лидии. Хангаев ждал, что Рита сейчас же отодвинется или встанет, или хотя бы уберет руку с его плеча, ждал, но она продолжала сидеть рядом, почти касаясь его грудью. Она улыбалась и заглядывала Хангаеву в глаза. Тогда он вскочил сам. И вовремя: Лидия стояла в дверях, покрасневшая, с растрепанными волосами. Отсутствие Бориса ее расстроило. Она передала магнитофон

через стол, едва не уронив его, расслабленно села на кровать и закрыла глаза. Хангаев долго крутил пленку, пока не подобрал нужную мелодию. Но Лидия танцевать не захотела. Сказала, что танго повредит ее здоровью. Хангаева пригласила Рита. Пришлось идти с ней. И сразу же Лидия живо поднялась и стала танцевать одна, сама с собой.

Когда Борис вернулся, снова начались грузинские тосты: «...не за те рога, из которых мы пьем вино, и не за те, что украшают наши жилища, а за те, что украшают головы наших врагов», – говорил Борис, коверкая слова. Теперь после каждого тоста выходили размяться. Лидия продолжала капризничать: то ей надо было танцевать с Борисом, то с Ритой.

Через час за магнитофоном пришел хозяин. Его начали упрашивать, Рита принялась угощать, а Лидия положила руки ему на плечи и велела переставить пленку. Они танцевали, а Хангаев смотрел на них и подливал в свой фужер. Кончилось танго, и началось другое. Если после танца с Борисом Лидия всегда возвращалась к Хангаеву, то теперь она даже не оглядывалась на него, словно пришла не к нему. Они бы танцевали бесконечно, если бы Рита не вызвала парня в коридор. Магнитофон остался в комнате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.